

НАШИ • ТАМ

СЕРГЕЙ ОСТАПЕНКО
РИТУАЛ

Наши там (Центрполиграф)

Сергей Остапенко

Ритуал

«Центрполиграф»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Остапенко С. А.

Ритуал / С. А. Остапенко — «Центрполиграф», 2021 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09414-8

Вместо подготовки к экзаменам два студента оказываются на доисторическом испытательном полигоне. Им предстоит до рассвета найти дорогу домой или умереть. Друзей хотят сделать марионетками в древнем соперничестве богов и предков, но, вместо участия в зловещем ритуале, они намерены спутать могущественным силам все карты. Однако все меняется, когда на полигоне появляется юная красавица. Дружба, доверие, добро или зло – теперь все подвергнется пересмотру...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09414-8

© Остапенко С. А., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	32
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Остапенко

Ритуал

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

Оформление художника Янны Галевой

© Остапенко С.А., 2021

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2021

© «Центрполиграф», 2021

Глава 1

Неволя пуще охоты

Если какая-нибудь неприятность может случиться, она непременно случается.

Закон Мерфи

Лекция по философии подходила к концу. Я сидел в аудитории номер 42, мой взгляд рассеянно блуждал по силуэтам однокурсниц. Настроение было отвратительным. Черт возьми, так она меня бросила или снова скажет, что я сам себе выдумал проблему на ровном месте? Некоторые женщины умеют так, да. А уж Татьяна Солодовникова, в которую мне «посчастливилось» вторгнуться, – настоящая чемпионка по нервотрепке.

Я отогнал мрачные мысли и попытался прислушаться к голосу лектора. Профессор Вритрин бубнил что-то маловразумительное. Какие-то стишки.

– Вот еще одна сутра из Упанишад, – сказал он, подыскав подходящее, по его мнению, изречение.

«Кошмар, – подумал я. – Он до сих пор мусолит Ригведу. А я все прослушал. Не дай бог, завтра на экзамене мне попадется именно эта тема».

– Тот, кто знает знание и незнание, и то и другое вместе, тот, переступая смерть благодаря незнанию, обретает бессмертие благодаря знанию.

Профессор умолк, пристально глядя мне в глаза. Взгляд у него был какой-то странный: дикий, цепкий, будто звериный. Я поежился и сделал вид, что пялюсь в конспект, но профессор явно не желал оставить меня в покое.

– Неплохая мысль для древних, верно, Гордюков? Вы согласны, что в наши дни похожие по смыслу утверждения можно обнаружить сразу в нескольких направлениях философии?

«Чего это он сегодня ко мне привязался?» – подумал я, но так и не смог припомнить, чем мог ему насолить. Лекции я пропускал редко, контрольную сдал одним из первых. Меня могла подвести только пагубная привычка вступать с преподавателем в полемику.

– Пожалуй, – буркнул я, скривив рот в вымученной улыбке. – Я одного не пойму: сами-то древние хоть понимали, что имеют в виду?

С соседних мест послышались приглушенные смешки, и я раздумывал, отнести мне их в адрес моей мимики или в адрес выданного мной словесного шедевра.

Профессору мой тон явно не понравился, судя по тому, что его мысли потекли в русло, не сулившем ничего хорошего. Вритрин снял очки и, протирая их носовым платком, осведомился, отчего это мой приятель Александр Юдин игнорирует его предмет, будто бы сдача экзамена его не волнует. Я, признаться, не знал, что ответить, но надо было как-то выкручиваться:

– По-моему, он болеет. Ему назначили физиопроцедуры, кажется.

Вритрин понимающе кивнул:

– Судя по вашему виду, Гордюков, с вами тоже не все в порядке. Взгляд совершенно отсутствующий, а лицо такое, будто вы всю ночь... – Он помолчал секунду и добавил: – Вагоны разгружали.

Следующая волна смешков совпала с выкриком о том, что пара закончилась, и студенты, дружно снявшись с мест, потянулись к выходу из аудитории. Я бы с удовольствием последовал их примеру, но профессору явно чего-то от меня было нужно, и я терпеливо ждал, что он скажет дальше.

– Встретимся завтра на экзамене, – бросил он вслед уходящим и вновь повернулся ко мне.

Сегодня с профессором творилось нечто необъяснимое. Обычно он зануда, а сегодня больно красноречив, цитатами вдохновенно сыплет. Пьян, что ли? Не похоже. Он не выпившим

казался, а, скорее, походящим на кроманьонца, репродукция которого находилась в одной из аудиторий корпуса истфака. Такой же коренастый, сутулый и волосатый. Сними с него очки и костюм, так получится чистая копия.

Вритрин повел мощными кустистыми бровями, выпучил на меня водянистые глаза и ни с того ни с сего завел разговор на тему, ничем не связанную с предыдущей.

– Завтра – день летнего солнцестояния, – доверительно промолвил он. – Сохранившиеся обряды, приуроченные к этому времени у многих современных народов, – это следы более древней культуры, более древних верований. Несколько тысяч лет назад в нашей местности появились прародители большей части нынешних народов Евразии. Для них это было особое время, когда могли происходить различные чудеса. Это было время великого ритуала!

– Игорь Семенович, но я-то здесь при чем?

Профессор смутился и продолжил несколько смущенным голосом:

– Не знаю... Я просто посмотрел на выражение вашего лица, и мне показалось, что. Я только хотел спросить, не ощущаете ли вы особое напряжение, разлитое в воздухе? Мне, например, просто не по себе!

Вритрин улыбнулся, хищно оскалив зубы, и мне тоже стало не по себе. Все-таки пьян.

– По-моему, все нормально, – ответил я.

Казалось, профессор сомневался. Он некоторое время изучал меня взглядом, который, если мне не померещилось, стал мерцать, будто кошачий в темноте, а затем вздохнул и отвернулся.

– Жаль, – проронил он. – Тогда извините, что задержал.

Вздохнув не менее горько, чем Вритрин, я стал собирать вещи. Препод, почесывая бороду, мычал что-то о циклической природе времени и возвращении космоса в изначальное состояние. А когда я выходил, стрельнул в меня пугающим звериным взглядом и сделал жест, как будто бы хотел избавиться от назойливого насекомого, обитающего под одеждой.

Узрев такое, я скоренько хлопнул дверью и заспешил прочь. «Плохи дела, – подумал я. – Как бы наш философ не чокнулся. С ними такое, говорят, бывает».

Об экзамене думать не хотелось, и я решил прибегнуть к испытанному способу снятия стрессов – поест. Кафе находилось прямо в здании факультета, на первом этаже. В полутемном коридорчике у самой двери я неожиданно наткнулся на Таню. Я остановился, она тоже, но недостаточно проворно, в результате чего прядь ее густых светлых волос на миг коснулась моего лица. Мы обескураженно глядели друг на друга, не пытаясь отстраниться. Секунды текли, а я молчал. Не подумайте ничего плохого: не из-за гордыни. Я просто любовался ее красотой. Психологи предположили, что в подсознании каждого самца есть свой собственный архетип желанной самки, к которому он безотчетно стремится всю жизнь. Так вот, мой архетип стоял передо мной во плоти, так близко, что я мог чувствовать ее дыхание, и Танины феромоны через незащитные рецепторы лупили прямо в мой воспаленный мозг.

Если бы я в этот миг меньше рефлексировал, а просто схватил ее в охапку, впился в губы и наговорил бы ей разных приятностей, всего, что последовало дальше, могло и не быть. Но судьба распорядилась иначе. На лестнице внизу послышались чьи-то шаги. Мигом позже в дверях появился Саня Юдин, с интересом окинул нас взглядом, отпустил в наш адрес не очень корректную шутку и попробовал протиснуться в кафе. Зрочки Татьяны блеснули, она парировала его фразу собственной едкой тирадой и с надменным видом скрылась внизу как раз тогда, когда я был готов осуществить свой план. Проклятье!

Если раньше у меня было просто скверное настроение, то теперь оно завалилось куда-то в Марианский желоб. Внутренний голос изощрялся в самокритике, распиная и анафематствуя меня на все лады.

Момент упущен. Догонять ее теперь было глупо. Я прошаркал внутрь; нащупав в полутемном зале Юдина, уже пожирающего обед, присоединился к нему. Он как раз разделялся

с одним из пирожков, количество которых у него на тарелке могло шокировать неподготовленного наблюдателя. Кроме того, на столе красовалась початая бутылка пива. Подходит. Я решил, что Саня не обидится, если я его немного ограблю.

Он не протестовал, когда я вяло похитил один пирожок и принялся сосредоточенно жевать, изредка отбирая у него бутылку, чтобы отхлебнуть.

– Ты что, разбогател? – спросил я, намекая на обильную снедь.

Он отмахнулся и промычал что-то с набитым ртом, затем вытер жирные пальцы, залез в карман и потряс находившимися там монетами.

– Звенит?

– Звенит.

– Вот именно. А должно хрустеть и шелестеть. Тогда я бы согласился с тем, что разбогател. Однако, хоть и мелочь... а все равно приятно!

Я не разделил его веселья по поводу каламбура и с траурным видом принялся за второй пирожок. Вокруг стола весело резвилась парочка мух. Кроме нас, посетителей не было. За стойкой тоже никого не наблюдалось.

Александр доел остатки, использовал еще одну салфетку и пожал мне руку.

– Теперь привет, – сказал он. – Ты выглядишь словно сама смерть. У тебя что-то болит?

Я кивнул:

– Угу. Душа.

Саня мой ответ не оценил.

– Душа – это несерьезно, – фыркнул он. – Не забивай себе голову... мозгами, и все будет о'кей. Тебе повезло, что рядом есть такой крутой психолог, как я. Выкладывай, что у тебя за беда.

– Когда в следующий раз со мной захочет познакомиться девушка, – процедил я, скорчив скорбно-презрительную мину, – я уже не буду столь наивен. Я сразу же скажу ей: леди, не теряйте время зря. Мир в достаточной степени познан нами обоими, чтобы понимать, кто и чего в конечном счете ищет. Вам, женщинам, нужны от мужчин деньги, мужчинам от вас – плоть. Но я – предупреждаю сразу – опасный философ. Мне эти правила не по душе, мне нужно либо больше этого, либо не нужно вообще ничего. Так что лучше сразу же прекратить всякие поползновения в сторону установления каких-либо отношений. Одиночество и воздержание – первые в ряду добродетелей.

Саня удивленно почесал затылок, и это вызвало у него всплеск мозговой активности.

– А, понятно, – заговорщически подмигнул он. – Любовь. Как бишь ее? Энигма. Опять тебя баба бросила. Еще бы, как только можно встречаться с таким занудой.

Надо пояснить, что Энигмой, то есть в переводе Загадкой, прозвали у нас в группе Татьяну, за ее непостижимый нрав. Парней она бесила, так как за исключением Юдина, наверное, каждый пытался за ней ухаживать и был отвергнут. Саня любил цитировать Ницше, утверждавшего, что вся загадочность женщин исчезает вместе с беременностью. Поэтому в своей амурной стратегии он загадки не приветствовал.

– Отстань, – буркнул я, наблюдая за активностью мух.

– Тебе, наверное, нравится над собой измышляться. Либо уж вправь ей мозги, либо забудь. Это, конечно, твое дело, но ты должен брать в расчет то, что окружающим противно глядеть на твою кислую физиономию. Короче, завязывай со своими гормональными переживаниями, давай займемся чем-нибудь стоящим.

Он поднялся со стула, я – вслед за ним. Когда мы вышли наружу, я встряхнул головой, расправил плечи и решил следовать его рекомендациям. Действительно, нужно взять себя в руки.

– Чего там на консультации?

– Ты думаешь, я помню? Мне так худо было, что я ничего даже не записывал. Профессор, кажись, умом тронулся. Вопросы вообще не по программе давал. В основном по мифологии. Кстати, он о тебе спрашивал. Почему, мол, Юдин занятия пропускает. А я и не в курсе. Сам тебя уже двое суток не видел.

– Относительно экзамена: ночь впереди, учебники есть. Относительно того, где я был: о, это было чудесно! Вчера ж был день рождения Женьки. Ну, ты же знаешь наш актив, после таких мероприятий выживших не бывает. Я тоже хорошенько причастился, но, по крайней мере, все соображал и мог нормально передвигаться.

Юдин пропадал часто, надолго, и его истории, рассказываемые по возвращении, были полны различных леденящих душу, веселящих или просто любопытных подробностей. И хотя все его приключения заканчивались хорошо, меня всегда беспокоило, а где, собственно говоря, Санек в данный момент обретается?

– Ночью, когда возвращались с набережной, забрели в какие-то трущобы и долго там плу-тали. Когда все разошлись по домам, я интуитивно заглянул в кафе на Университетском. С дев-чонками познакомился. В итоге попал к одной из них домой. Клялась, что разбудит вовремя. Короче говоря, когда я ее растолкал, она вообще с трудом вчерашнее стала припоминать. В общем, идти на остаток консультации не имело смысла, и я предпочел сходить в общежитие и принять душ.

– У тебя ни дня без приключений не обходится, – позавидовал я.

– А ты их просто не заслуживаешь.

– Это почему же?

– Под лежащий камень и вода не затекает, – пояснил Саня. – Ты чересчур осторожный, правильный.

Я хотел в отместку привести ему историю о древнегреческом философе, который на упреки в чрезмерной осторожности отвечал, что именно осторожность и оберегает его от оши-бок, но передумал. Меня-то моя осторожность от ошибок отнюдь не спасала.

– И как зовут твою новую подружку? – осведомился я.

Саня пришел в замешательство.

– Забыл, – сознался он. – Надо будет как-нибудь тактично это выяснить. Между прочим, Серега, у нее очень симпатичная приятельница. Если хочешь, я вас сегодня познакомлю.

– Не надо, Сань.

– Как хочешь. А что, надеешься помириться со своей крыской?

– Она не крыска. Надеюсь, только попозже. Сейчас я не в форме.

– Что-то я тоже, – обеспокоенно произнес Саня. – Наверное, вчера все-таки хватил лиш-него. Так ведь выспался же, душ принял, поел. Чего еще нужно?

– У меня это со вчерашнего дня, – признался я. – Что-то с нервами, наверное. Ни с того ни с сего Таньке нагрубил, потом почти не спал, сегодня хожу, дергаюсь весь, а на лекции всякая чушь в голову лезла.

– Что-то подобное, – согласился Саня. – Нам надо отдохнуть.

И мы отправились отдыхать. Солнце, стоявшее над зданием факультета, пекло все силь-нее. У входа в общежитие, до которого мы добирались битый час, расположилась группа сту-дентов, оживленно обсуждавших перспективу похода на пляж. Из здания вывалила толпа деву-шек, которых Саня долго изучал внимательным взглядом.

«Интересно, – подумал я, – хоть иногда у него бывают мысли о других вещах?»

– Ну и тип! – воскликнул Саня весело.

Я тоже обернулся. Оказывается, Юдин интересовался не студентками, а кем-то другим. Я едва успел заметить коренастую фигуру незнакомца в явно ненормальной одежде. Детально рассмотреть его не удалось, так как он быстро скрылся за углом. Его вид показался мне ужасно нелепым, но на остальных его появление не произвело никакого впечатления. Кто бы это мог

быть? И чего ему здесь нужно? Мы поднялись на наш этаж, и я порылся в карманах в поисках ключа. Его не было.

– Вот дьявол! – расстроился я. – Что сегодня за день? Я ключ потерял.

Саня обреченно махнул рукой, показывая, что другого от меня и не ожидал. Он достал свой ключ и сунул его в скважину, но дверь от нажима внезапно открылась сама.

– Ну и дела! – сказал Саня. – Похоже, кому-то понадобились наши конспекты.

Он вошел. За ним шагнул я и прикрыл дверь. С первого взгляда показалось, что все на своем месте. На стенах – плакаты наших любимых групп, груда учебников на столе и подоконнике, одежда, разбросанная по всей комнате. Самая ценная часть нашего имущества – компьютер и около сотни дисков – была не тронута. На месте были несколько томиков моих любимых авторов и занимательный хлам, копившийся в комнате длительное время. Саня был здесь последним, и я вопросительно посмотрел на него.

– Ну?

– Кажется, переодеваясь, я клал одежду по-другому. Но, может, я ошибаюсь. Я спешил.

Он полез в заначку, где хранились наши скромные финансы. Деньги были нетронуты. В шкафу ничего не исчезло. Я не мог понять, что еще могло понадобиться вору. К тому же замок не был взломан.

– Ты давал кому-нибудь ключ? – спросил я.

Юдин начал злиться.

– Раззява! Это твой ключ нашли. Придется замок менять.

– М-да, – сказал я и сел на кровать. – Наверное, так. Хорошо, что ничего не унесли.

Я полез за сигаретами, потом ощупал карманы на предмет обнаружения зажигалки. Мое внимание привлек тот факт, что ее тоже не было, хотя я клал ее туда всего десять минут назад. Я проверил внутренности карманов пальцем и нащупал в одном из них крохотное отверстие. Провел руками вниз, добрался до кроссовок и в ущелье между носком, штаниной и верхней частью обуви обнаружил сначала зажигалку, а затем и ключ. Извлеченные предметы я продемонстрировал Юдину. Настала моя очередь злорадствовать.

– Так кто из нас раззява? Похоже, кто-то забыл запереть дверь, когда уходил.

– Не может быть, – запротестовал Саня, – я точно помню...

– Ты не помнишь даже имя той, с кем провел ночь.

– Ой, ну хватит! – обиделся он. – С кем не бывает. Сегодня мозги совершенно не работают.

– Особенно после дня рождения, – хихикнул я.

Юдин меня поддержал, и, странное дело, мы хохотали до упаду. Саня первым успокоился и принес шахматы. Я поджег сигарету и, вытирая проступившие слезы, заявил:

– Когда Солодовникова меня полюбит, брошу курить.

– В который раз по счету? – фыркнул Саня. – Ты уже побил рекорд Марка Твена.

– В последний. Это точно.

Юдин с сомнением покачал головой, расставляя свои фигуры. Партия началась. Саня играл весьма хорошо, и мне стоило немалых усилий сыграть с ним хотя бы вничью. Выигрыши были и вовсе редки. Его стиль был основан на штампах и стандартных, зато беспроегранных ситуациях, из-за чего начало игры было похоже на все предыдущие. Я же всегда экспериментировал, стараясь найти новое удачное решение, но мои успехи на этом поприще оставались весьма скромными.

Ходов через десять стало ясно, что позиция моего противника сильнее. Вскоре я совершил ряд ошибок и последовательно потерял несколько пешек.

– Я вижу, Солодовникова у тебя совсем мышление расстроила, – сказал Саня. – Ты, похоже, отдашь мне ферзя.

Я вздохнул, не считая нужным отвечать. Он всегда злил меня, чтобы заставить волноваться и сбить с толку. Вместо этого я хорошенько поломал голову, нашел выход и отделался от почти неминуемой потери равноценным разменом.

- Не все потеряно, – обрадовался я. – Сегодня я тебя обыграю.
- Из этой позиции тебе не выиграть никогда. Спорим, что победа моя?
- На что?
- На желание.
- Годится, – решил я.

Юдин имел весомое преимущество. Он наседал со всех сторон, шаховал, но мат поставить не мог. Я как мог защищался, стараясь провести свою проходную пешку на его сторону. Саня самонадеянно не обращал на эти попытки никакого внимания, пытаясь поскорее со мной разделаться. Казалось, цель его близка, но моя пешка, улучив момент между его шахами, медленно продвигалась вперед.

- Верни-ка моего ферзя! – повеселел я, ставя пешку на поле Н8.
- Надо же! – процедил Саня. – Тебе это удалось. А я не верил.
- Я тоже, – сказал я.

Теперь мои дела пошли на поправку, но и Юдин отступать не собирался. В итоге партия завершилась вничью.

- Как быть с призовым фондом? – осведомился я. – Никто никому не должен?
- Наоборот. Ты исполняешь мое желание, а я – твое.
- Ладно. Будь по-твоему.

Я убрал фигуры. Делать ничего не хотелось, а уж готовиться к экзамену – тем более.

– Мое здоровье резко пошатнулось, – гробовым голосом заметил Саня. – Я буду жаловаться на работников кафе. Чего они в пирожки натолкали?

- По-моему, дело не в еде, – горестно сказал я. – У тебя абстинентный синдром.
- Может быть. Если дело в этом, нужно выпить. Хочешь?
- Не-а.
- Зануда. Выставляешь меня алкоголиком.
- Экзамен ведь. Да и с Танюхой нужно поговорить.
- А, ну да. Валяй. Горячий, цветной, ароматизированный привет ей.
- Угу.

Я с трудом поднялся и, шаркая, подался на другой конец общежития. Спустившись на первый этаж, пошлепал в соседний корпус. Почудилось, что у входа за мной наблюдает бородастый субъект с длинными всклокоченными волосами, одетый в хипповские лохмотья. Я хмыкнул и позабыл о нем. Меня волновало другое. Нужно было найти слова, чтобы пронять Татьяну, а в голове был полный вакуум.

Я постучал в дверь комнаты, где жила Таня. Открыла одна из ее подруг, то ли Оля, то ли Люся.

- Привет. Таня здесь?
- Девушка смутилась.

– Ее нет, – прошелестела она. – Таня как-то странно себя вела, потом собралась и ушла куда-то. Я спросила, куда это она, не на свидание ли, а она грубо ответила, что да, мол, на свидание. А потом.

- Кровь прилила мне в голову, сердце забилося, словно курица, которой оттапали голову.
- Извини, – сказал я. – Пока.

Я поплелся назад, даже не прислушиваясь к ее словам, хотя она окликнула меня и что-то тараторила вслед, эмоционально размахивая утюгом. Мои движения были похожи на конвульсивные шаги зомби из фильма ужасов.

Орава первокурсников, переносившая кровати из одной комнаты в другую, едва не сшибла меня с ног, но я этого даже не заметил. С маниакальной целеустремленностью я направлялся в свою комнату. Я мог бы, правда, совершенно таким же образом шествовать в любое другое место, и это не имело бы для меня никакого значения. Разница в тот момент для меня не существовала. Я шел туда, куда меня несли ноги, словно подчиняясь заданной кем-то программе, и мой собственный мозг в совершаемых мной действиях, в общем-то, не участвовал.

«На свидание», – вертелось у меня в голове.

Когда я вполз, Юдин сидел за столом, задумчиво воззрившись на бутылку, стоявшую посреди натюрморта из сосиски, помидора и открытой банки майонеза. Саня мельком взглянул на меня и вернулся к своим размышлениям.

– Так-то, – сказал я. – Поделом мне, придурку.

– Самокритично, – отозвался Саня.

– Потерял я ее. Окончательно. Навсегда.

– Печально, – изрек Саня. – Всякое в жизни случается. Вот я уже пять минут смотрю на это и не могу припомнить, откуда оно у нас взялось.

– Иди ты к дьяволу. Все пропало.

Он пощупал карманы в поисках сигарет. Поиски увенчались успехом.

– Неправда. Не все, – философски заметил Саня, закуривая. – Сигареты на месте. Общезнание тоже. И, судя по всему, континент Евразия тоже никуда не делся. У нас в наличии даже кое-что лишнее. То, что не пропало, а, наоборот, появилось. Причем для меня загадка, каким путем.

– О чем ты думаешь? У нее кто-то уже есть, понимаешь!

Саня наконец понял, что мне и впрямь плохо.

– Шустрая девка, – оценил Саня. – Время зря не теряет. Пару раз сходилась с тобой в кафе, мозги запудрила и тут же бросила.

Я мычал, глядя в пол и погрузив пальцы в волосы. Саня похлопал меня по плечу:

– Слушай, Гордюков. Вот что я тебе скажу. Ты слишком серьезно относишься к женскому полу. А это не прощается. Бери пример с меня. Ты когда-нибудь видел, чтобы я страдал по плоти так, как ты? Никогда. Я всегда остаюсь в форме и о дурном не думаю. Девушки есть девушки, что с них взять? Как там о них сказано у... э... Ну их к черту, короче. Хотел процитировать и забыл. Вот увидишь, облегчение наступит уже завтра. Да какой завтра! Сегодня! Сейчас! Вот решим один вопросец, и все нормализуется.

Глупец. Он думал меня успокоить своими речами, не подозревая, что творится у меня в душе. В таких натурах, как я, погибающая любовь производит больше разрушений, чем пуля.

– Забудь этот инцидент. Вычеркни эту страницу из жизни, – резюмировал Юдин. – Женщины – зло. Я тебя сегодня же познакомлю с одной симпатичной особой, и все твои душевные колики как рукой снимет. А пока встряхнись и помоги мне выяснить одну крайне важную вещь. Как по-твоему, что это? – показал он на бутылку.

Я взял ее, вынул пробку и понюхал.

– Спиртное. Самогон, наверное. Или настойка какая-то.

Он кивнул:

– Мне тоже так кажется. А ты не помнишь, откуда он у нас?

– Не-а. Может, с выходных остался? Андрей с Виталиком что-то приносили с собой.

– Ага, после них останется, – скривился Саня. – По-моему, все допили.

– Может, мы покупали?

– Самогон?

Действительно, это было глупое предположение. Дверь неожиданно стала приоткрываться, и Саня с ловкостью фокусника спрятал бутылку.

– Юдин, к вам можно? – донеслось снаружи.

– Конечно. Заходите.

В комнату по-звериному, точно крадучись, проник профессор Игорь Семенович Вритрин. Он внимательно изучил нас горящими зелеными глазами. От этого мне стало совсем плохо, и я испугался, что меня вырвет.

– Что с вами? – спросил Вритрин, обращаясь ко мне.

– Отравился, – отпаривал Саня, подмигивая. – Сегодня в кафе пирожки дрянные.

– Проклятье! – прохрипел профессор. – Вы что, в комнате курите?

– Гостей не ждали, – сказал Саня, странно изгибаясь всем телом. Похоже, ему тоже стало не слаще моего.

– Курят, пьют! – почти прорычал профессор, вращая головой странным образом. – Что это вам дает?

– Это помогает снимать внутренние экзистенциальные противоречия, – объяснил Юдин, подлизываясь к преподавателю. – К тому же среда засасывает. В систему ценностей западной цивилизации входят комфорт, покой и удовольствия. Нет бы продать все имущество, отправиться куда-нибудь в Тибет, заняться медитацией, у-шу, жрать тростник. Абсолютно здоровый образ жизни. Но никто не променяет на это свой диван, телевизор и кружку пива. Вот ты, Серый, отправился бы в Тибет?

– Издеваешься? – едва простонал я.

– Видите, профессор, что с ним сотворила среда. А ведь...

– Замолчи! Кали-юга ниррити шушна! – гаркнул Вритрин, оборвав вдохновенный словесный понос Юдина, после чего широкими скачками помчался по коридору.

– Чего-чего? – прошептал я.

– Не разобрал. Как я его, а? Интересно, чего он хотел?

Я начал смеяться, неожиданно для самого себя. Смех был каким-то истеричным, даже перешел в завывания, но я никак не мог остановиться и замолчал только тогда, когда Саня ткнул меня локтем в ребра.

– Хватит ржать, дурак! – приказал он. – Сейчас весь этаж сбежится. Неврастеник, тебе лечиться нужно. То у него депрессия, то хохочет как дурень.

Я замолчал, перевел дух и, перефразируя профессора, заметил:

– В воздухе какое-то напряжение. Тебе не кажется?

– Это у тебя в мозгах напряжение! – взбесился Саня. – Черт, что за день такой сегодня!

Потом он успокоился, сел и произнес:

– Хотя, знаешь, ты, пожалуй, прав насчет напряжения. Тьфу, слово-то какое-то неудачное. На самом деле чувствуется совсем другое.

– Ох... – только и сказал я.

Мне вдруг очень важным показалось припомнить детали тягучего ночного кошмара, который мучил меня в течение тех немногих часов, которые я провел в постели. Серая лесная мгла, лица странных людей, звериные морды, смутные силуэты непонятных построек. Исполинское дерево, возвышающееся над ночной долиной, окаймленной на горизонте горной цепью. Клубящиеся черные тени на вершине дерева. Потом. Что же было потом? Осталось только лицо Татьяны. И еще что-то. Просто взгляд, присутствие. Помню, когда я его увидел, меня переполняли два ощущения: усталость и удовлетворение. Безграничная усталость и безграничное удовлетворение, как будто мне удалось сделать нечто, важнее чего в жизни ничего не может быть. Больше я ничего не помнил.

– Давай выпьем, – предложил Саня.

– А мы от этого не померем?

– Значит, суждено.

Честное слово, в любой другой ситуации я бы не согласился. Но мне было так плохо, во всех смыслах, что я сдался.

– Ну, давай.

Саня нашел стаканы, взял бутылку и набулькал по полстакана сначала мне, потом себе.

– Выпьем за победу. За то, чтобы никогда не терять голову, особенно из-за женщин, – произнес он, наставительно жестикулируя указательным пальцем.

Ну уж нет. Хотя я и кивнул в знак солидарности, на самом деле я пил за любовь.

– Прощай, Танюша. Прощай, любимая, – всхлипнул я и заплакал.

– Ты чего? – испугался Юдин.

– Не знаю. Мне дерьмово.

– Так пей быстрее.

Я последовал его совету и осушил стакан. Саня опередил меня на долю секунды и поэтому уже чавкал помидором.

– Ну, как?

– Что-то странное. Спирт тут есть, но его мало. Больше какого-то другого ингредиента с привкусом, напоминающим.

Я не успел сосредоточиться и вспомнить, что же именно мне показалось знакомым. От напитка меня бросило в такой жар, что я решил приоткрыть окно. Пошатываясь, я встал, но не успел добраться до подоконника, как Саня трагично охнул.

– Я вспомнил, – проямлил он. – Когда перед уходом я заглядывал в холодильник, никакой бутылки там не было. Нам ее подсунули, пока никого не было!

– Кто?

– Не знаю! Но, похоже, они своего добились.

– Спасибо за угощение. Черт меня дернул согласиться. – прохрипел я испуганно.

Пугаться было чего. Потому что теперь стало так паршиво, что все предыдущие муки по сравнению с нынешними показались мне просто детскими шалостями. Саня барахтался на кровати, кое-как стал на четвереньки и сделал попытку слезть. Не знаю, где закончился его путь. Мне было не до него. Я как парализованный рухнул через кровать на стол и, цепляясь за него, попробовал подтащить свое тело к подоконнику, в последней надежде позвать на помощь. Как я ненавидел себя за то, что в беспорядке бросил конспекты на стол! Теперь они мешали ослабевшим пальцам дотянуться до края окна. Только бы поползти до окна и крикнуть «помогите!».

Руки перестали меня слушаться, когда я был почти у цели. Я оцепенел, лежа головой на подоконнике, грудью на столе и ногами на кровати. Живот, словно шлагбаум, провис в воздухе. Тетрадь сорвалась со стола и начала свой путь вниз, однако ее падение и не думало заканчиваться.

Ткань реальности расплзалась клочьями медно-красного марева, а само мое тело стало похожим на полупрозрачное сплетение светящихся нитей. Я хотел зажмуриться, но не смог. Мне показалось, что материя расступилась и неведомая сила потащила меня прочь. Проход разверзся, словно пасть матери хаоса, Тиамат. Я проваливался в невообразимую бездну.

«Ну и слава богу, – пронеслось у меня в голове, прежде чем я полностью отключился. – И ладненько».

Внезапно все кончилось. Все. Красочные фантазмагорические картинки исчезли, и утомительно долгое падение прекратилось.

Дым, птичий гомон, трава щекочет кожу. Я лежу на земле. Где я?

Мне вдруг живо представилось, что, пока я находился без сознания, меня ограбили, раздели, избili до полусмерти и выбросили в окно, а над моим телом, измазанным кровью, собралась толпа зевак. Брр! Впрочем, я чувствовал себя вполне сносно, поэтому открыл глаза и рывком сел, готовясь, если понадобится, защищать свою жизнь.

Картина, представшая моему взору, была чересчур уж фантастична, чтобы я мог поверить своим органам чувств.

Насколько можно было судить, я находился на самой высокой точке небольшого плато. За спиной, где солнце уже проделало большую часть пути по небосклону, сколько хватало взора, простирался лес. Обзор передо мной закрывали заросли, но дальше деревьев становилось поменьше. Маленькие рощицы были разбросаны по степи, где-то серо-зеленой, где-то уже совершенно желтой. Ниже плато лежала холмистая равнина, отрезанная зеркальной гладью реки от скалистого кряжа, который тянулся до горизонта, справа вырастая до настоящих гор, обрывающихся в морскую лагуну.

Самым странным было отсутствие в обозримых окрестностях всяких следов цивилизации. Я не смог разглядеть ни одного строения, дороги, линии электропередач, ровно ничего, напоминающего о деятельности человека. Природа этих мест была девственно-чиста и нетронута воздействием технического прогресса. И все бы ничего, если бы не еще одно пугающее обстоятельство: у костра спиной ко мне сидел на корточках заросший седыми космами старик, облаченный в звериные шкуры. Он с аппетитом обгладывал мясо с кости. На прутьях жарилась какая-то снедь. Повсюду были горы золы.

Присутствие постороннего человека привело к тому, что мои кисти непроизвольно прикрыли низ живота, и только после этого приступа стыдливости заработал мой мозг.

Было отчего растеряться: я не знал ни кто этот старик, ни что это за местность, ни как я тут очутился. В голове был вакуум. Но в том, что происходит нечто невероятное, я не сомневался.

Хотелось есть. Значит, с момента моей отключки прошло много времени. Пользуясь моей беспомощностью, какие-то люди или обстоятельства перенесли меня сюда. Но кому и зачем это могло понадобиться, оставалось неизвестным.

Мое сознание сфокусировалось на чавкающем старике. Похоже, он был единственным источником, способным предоставить мне какие-либо разъяснения.

Интересно, кто он? Лесник, егерь, охотник? А почему так странно одет? Слегка смахивает на лешего. Леший. Откуда в нашей округе такие леса? Я почувствовал себя еще неуютней, так как сообразил, что, по всем признакам, мой дом отсюда далече.

Я оценил свою мускулатуру и пришел к выводу, что мне следовало почаще посещать тренажерный зал. Под кожей дедули перекачивались мощные узлы, практически лишавшие меня шансов. В случае чего придется уносить ноги.

Пока я размышлял, случайность взяла мою судьбу в свои руки. Старик прикончил ножку, неумело подавил отрывку и, не заботясь об экологии, швырнул обглоданную кость через плечо. Конец траектории ее полета предположительно совпадал с областью моего паха, и я, опасаясь за свое здоровье, машинально поймал ее. Дед в шкурах протянул было руку за новой порцией мяса, но, не услышав звука падения, насторожился и повернулся в мою сторону. Мелькнула шальная мысль шмыгнуть в заросли и скрыться, но я понятия не имел, как попасть отсюда в знакомую местность, к тому же показываться на глаза в таком виде рискованно. Будь что будет, но я обязан, во всяком случае, поговорить с такой колоритной личностью. Я подавил свербез в пятках, сжал кость крепче и стал рассматривать таинственного старика. Седые всклокоченные пряди волос, жесткая борода, грубая загорелая кожа. Зато в глазах не было признаков агрессивности. В них светилась мужественность, сила и неожиданная мягкость. Я исподволь почувствовал к нему приязнь.

Старик улыбнулся, показав желтые, но крепкие зубы, и поприветствовал меня кивком. Вопреки моим ожиданиям, он вернулся к своему занятию и, взяв кусок мяса, продолжил невозмутимо жевать, жестом пригласив меня разделить с ним трапезу.

Немедленной угрозы не последовало, и я немного успокоился. Подобравшись поближе, я присел рядом с ним на колени и принялся наблюдать за его действиями.

Порция мяса была тщательно пережевана и отправлена в желудок. После этого дед соизволил обратиться ко мне.

– Гандхарва, – произнес он. – Месламптаэ Ирий Яррита?

Слова произвели на меня неизгладимое впечатление. Язык, с одной стороны, был мне незнаком, с другой стороны, чему-то внутри меня показался очень близок. Я погрузился в размышления, почему он кажется мне знакомым, и внезапно обнаружил полную неспособность произносить в голове слова. Я застыл с открытым ртом, в панике чувствуя, что мой мозг раздувается изнутри, словно мыльный пузырь, и он вот-вот лопнет.

Метаморфозы, происходившие со мной, казалось, сильно напугали деда. Он что-то спрашивал у меня, но я не мог его понять, только хватал ртом воздух и старался не потерять сознание снова. Старик нахмурился и отошел прочь. Я упал на траву с полной уверенностью, что умираю, досадуя, что не могу позвать на помощь. Но он не собирался меня бросать, как оказалось. Когда я начал закатывать глаза, мне почудилось, будто он подобрался ко мне, держа в ладонях пляшущие языки пламени, зачерпнутые из костра. Он поднес огонь к моему лицу и дунул, отчего струи пламени потянулись ко мне и, казалось, вошли в кожу через поры.

Я заорал от страха и вскочил, но внезапно понял, что никакой боли нет. Все мои недомогания как рукой сняло. Стайки рваных мыслей снова понеслись по закоулкам моего сознания, и черт меня возьми, если я не думал теперь на двух языках одновременно!

Мы наблюдали друг за другом. Я – совсем ошалевший от переизбытка новых ощущений, он – слегка разочарованный.

– Слабый воин, – заметил старик. – Я думал, ты вообще не очнешься. Жаль, что ты не тот, кого я ждал. Впрочем, ритуал есть ритуал. Я все равно рад твоему появлению.

Я молчал, переваривая услышанное, поражаясь своим вновь обретенным способностям. Тогда старик продолжил:

– Как долго я ждал? Прошло так много времени... Не счесть... Я так долго был один, что стал сомневаться в том, что мои услуги еще кому-нибудь понадобятся. Наконец, боги сжалялись надо мной.

Вид у старика был грустный и усталый. Казалось, он забыл обо мне. Пока я не понимал смысла его фраз, но он по-прежнему оставался моей единственной надеждой на получение необходимых сведений, и я предпочитал сидеть на месте и слушать, время от времени содрогаясь от только что пережитого.

Дед тем временем продолжал, обращаясь как бы не ко мне, а к некоему невидимому собеседнику:

– Что же случилось? Почему юноши яритов больше не проходят испытание? Племени не нужны мужчины? Позор. Я не верю в это. Объясни же мне, наконец!

Последняя фраза явно предназначалась для меня, но я сам жаждал разъяснений, поэтому, чтобы не злить незнакомца, решил помалкивать.

Старец вытер жирные пальцы о траву и продолжил речь, на этот раз повернувшись ко мне лицом.

– Да простят меня боги, но молчать я не могу! – распинался он. – Ты же совершенно не готов к испытанию! Это просто смех! Я вижу, что твои ступни не огрубели от ходьбы. Твоя кожа нежна, как у детей. Может быть, ты был болен, никогда не выходил за пределы деревни и пролежал всю жизнь в землянке у очага? А волосы. О, великий Дий, они укоротили твои волосы! Где твоя ритуальная раскраска, священные татуировки? Ты жил среди яритов, словно иноплеменник. Да поразит Род ваших старейшин и жрецов, пренебрегающих обязанностями! Вы забыли все обряды. Ну-ка, покажи ладонь.

Я, слегка одуревший от его речей, протянул ему руку. Несколько слов из его полного упреков обращения смутно напомнили мне имена то ли славянских, то ли индийских божеств.

Я слегка заинтересовался данным обстоятельством, но старик все еще сказал слишком мало, чтобы я начал что-нибудь соображать.

Он бегло осмотрел мою кисть и почти выронил ее, глядя на меня с настоящим ужасом. Потом он обреченно махнул рукой и произнес, сокрушенно вздохнув:

– Так и есть. У тебя женские руки, не знающие ни копыя, ни дубины. Даже хуже, чем женские. Не знаю даже, на что надеялись старейшины, отправляя тебя сюда.

От его слов у меня в голове все окончательно перемешалось. Я не выдержал и решил внести хоть какую-то ясность.

– Послушайте, – не совсем уверенно проговорил я. – Мне не понятны ваши претензии. Я не знаю, о каких копиях и дубинах вы ведете речь. Где моя одежда? Верните по-хорошему. Да, еще мне неясно, почему я должен иметь длинные волосы, быть измазан красками и татуирован, как уголовник? Я никогда не слышал о подобных идиотских обрядах и, уж конечно, не желаю принимать в них участие. Не имею представления, кто такие яриты и что собой представляет испытание. И вообще, я не помню, как сюда попал. Так что, если моя одежда у вас, я хочу получить ее назад, а если нет, дайте мне что-нибудь надеть, так как появляться в таком виде перед людьми мне стыдно. А потом, если вас не затруднит, покажите дорогу в город и сообщите название организации, которая занимается незаконным принуждением граждан к участию в подобных дурацких ритуалах. Надеюсь, правоохранительные органы смогут пресечь подобные попытки в будущем.

Во время моего монолога выражение лица у старика несколько раз менялось. Очевидно, половину произнесенного он не понял, но то, что понял, возмутило его до глубины души. Он вскочил с легкостью, какой я не ожидал даже от такого крепкого старикашки, как он. Выпученные глаза придавали ему сходство с рыбой.

– Что ты несешь? – завопил он. – Как это не знаешь? Яриты мужского пола, достигнув нужного возраста, исполняют ритуал и попадают сюда, чтобы пройти свое испытание! Юноши готовятся к нему с детства!

«Определенно, кто-то из нас сумасшедший. Либо он, либо я. Скорее всего, он. Или наоборот? Что за чепуха творится?» – подумал я.

Старик подскочил ко мне и нервно принялся осматривать, ощупывать и обнюхивать мое тело. Мое беспокойство усилилось. Действия этого дедушки были пугающими и непонятными.

Постепенно я стал догадываться, в чем дело. Нет, все-таки я не сумасшедший. Все объясняется проще: то, что я сейчас переживаю, вызвано сильными галлюцинациями. Саня, кажется, сказал, что эту чертову бутылку нам подсунули. Наверное, вместо самогона мы и впрямь приняли какое-то зелье. Вот и мерещится всякий бред. Но воздействие токсинов скоро закончится, я очнусь на столе, с тошнотой и головной болью. Впредь будет наука. Ну а пока. Придется терпеть игры своего мозга. Последние лекции по истории и философии не прошли даром. Кажется, я витаю в мире, населенном предками этих... протоиндоевропейцев. Мне даже запомнились их божества. Дий – это воплощение дня, света. А Род, кажется, покровитель культа предков. Яриты. Это слово тоже было смутно знакомо, будило какие-то ассоциации. Арии-ярии. Есть ли между этими словами какая-то связь?

Цепь моих размышлений была прервана стариком в шкурах. Он завершил беглый осмотр и остался удовлетворен.

– Незнание обычаев не освобождает ярита от их действия. Таков бгутрита. Выполни ритуал или умри, – изрек он.

– Я не ярит, – невозмутимо заявил я.

Старик малость опешил. Казалось, в его душу закралось сомнение.

– Нет, – решил он после некоторого раздумья. – Этого просто не может быть. Сюда не могут попасть атманы иноплеменников, даже если они вкусят сомы. Наш род – самый древний. Мы говорили с богами и заключили с ними завет еще в те времена, когда не гнушались мяса

соплеменников, а духи, демоны и Сошедшие с небес жили бок о бок с людьми. Нам завещано проводить Испытание. Среди соседних племен не нашлось достойных, и боги выбрали нас.

Религиозный фанатизм был одним из немногих человеческих качеств, с которыми я не мог спокойно мириться. Я вскипел:

- Что бы вы там ни говорили, а я все равно не ярит!
- Не спорь! Я-то знаю, о чем говорю.
- У вас нет доказательств.
- Есть, – засуетился старик. – Сейчас докажу.

Он вынул откуда-то из складок своей одежды изящный нож, может, из обсидиана или кремня – я не настолько разбираюсь в минералах – с очень тонким и острым лезвием. Он был так тщательно обработан, что казался почти отполированным.

Я попятился назад, решив, что этот тип вознамерился своей искусной поделкой прикончить меня за строптивость, но, вспомнив, что происходящее нереально, успокоился.

Старик, однако, не собирался меня убивать. Бережно взяв мою кисть, он слегка рассек ее у основания большого пальца левой руки. Из ранки выступило несколько капель крови. Это было неожиданно больно и чертовски реально, так что я едва сдержался, чтобы не вскрикнуть. Неужели окружающее – всего лишь плод моего одурманенного подсознания? Могут ли галлюцинации так долго имитировать реальность?

Старик, собрав в ладони, сложенной лодочкой, несколько капель моей крови, завертелся вокруг своей оси, бормоча себе под нос какие-то слова. Завершая свою шутовскую выходку, он присел, резко подпрыгнул из этого положения и метнул кровь в костер. Над пламенем возникли необычные световые эффекты, потом искры и шипение, после чего костер выплюнул мою кровь, и она в сопровождении вышеперечисленных атрибутов вонзилась в свежую ранку на моей руке. Обжигающий комок заметался по моим венам и затих где-то в солнечном сплетении. Чудеса продолжались. От пореза не осталось и следа.

Дед расслабился, почти ехидно захихикал и, вытерев остатки моей крови об амулет, висевший у него на шее, произнес:

– Хотел обмануть Хранителя Священного очага? Не выйдет. Огонь нашего рода знает тебя. Выходит, как ни крути, а ты ярит.

Мне стало по-настоящему худо.

– Сурья, Дий, Род и прочие! – взвыл я. – Может, я и впрямь ярит, но я не знаю, кто они такие! Я ни разу не слышал о них до сегодняшнего дня!

– Плохо дело, – произнес дед. – Похоже, ты не врешь. Чересчур ты странный. Связь миров прервалась давно, и ты – просто случайный гость. Это случилось так давно, что реки не раз меняли свое русло, а мое жилище рушилось от ветхости, и приходилось строить новое. Я ждал, но юноши яритов перестали проходить испытание. Я терпелив, я могу ждать очень долго. Но со временем я утратил даже надежду. Сначала я думал, что племя уничтожили соседи, потом – что его прикончила болезнь. Только дело, похоже, не в этом. Потомки рода продолжают существовать, и ты – подтверждение этому. Прародители племени скрывают от меня истинную причину прекращения испытания, а может, и сами не знают. Но я не могу пойти и спросить у них. Мое место здесь. Я – страж Святилища Огня и не могу покинуть его. Пока горит огонь, я жив, стоит ему погаснуть, и я перестану существовать. Мы поддерживаем друг друга.

– Чем это вы так повязаны?

– Древняя магия.

– А. Ну да, – сказал я, ничего не уразумев. – А эти прародители не могут сами почтить вас посещением? Это же нечестно и жестоко – оставить вас сидеть тут в одиночестве на таких условиях.

– Не мне судить предков. Праотцы, как и боги, любят неявное. – Он сделал слабую попытку улыбнуться. – Но ты ярит, даже если не подозреваешь об этом. Почему ты обращаешься ко мне, как будто меня много? И вообще, шибко странно ты говоришь.

– У нас так принято. Так я выражаю уважение к собеседнику.

– Непривычно. Так никогда раньше не было.

– Странно. Но если это неприятно, я перейду на «ты». Тогда будем знакомы. Меня зовут Сергей, а тебя?

Старик расправил плечи и гордо произнес:

– Я – Варья, внук прародителя яритов Ману, страж Святилища Огня. Я провожаю приходящих ко мне в долину Испытания. С моей помощью они проходят последнее посвящение, перед тем как погибнуть или остаться жить.

Я пожал плечами. Галлюцинации начинали меня утомлять.

– Если тебе не трудно, можешь рассказать мне что-нибудь о себе и обо всем этом? – попросил я, немного погодя. – Мне интересно, где я и что тут делаю. Если хочешь, конечно.

– О чем я могу тебе поведать? Почти вся моя долгая жизнь проведена здесь. Только во времена моей молодости, в начале, было славное время, о котором стоит говорить.

– В начале чего?

– В начале времен. Когда после великой скорби люди с помощью богов снова стали размножаться на земле.

– Стоп, стоп, Варья. Это ты загнул. Ты не можешь так говорить, словно ты – очевидец. Это доступно разве что бессмертным – помнить о такой древности.

– Я бессмертен.

Меня его слова развеселили:

– Серьезно?

– Да. Я ведь в свое время прошел испытание. И когда умер в Яви, получил бессмертное тело здесь, в Нави. Правда, я не могу надолго покидать это место. Я его страж и вынужден поддерживать огонь.

– Это невозможно. Если твой костер горит вечно, горы золы давно покрыли бы все это плато! Кстати, тебе пора заготовить дрова, а то огонь потухнет и тебя уволят.

Варья недоуменно хохотнул.

– Этому пламени не нужны дрова. В нем – дух рода. Дрова я кладу в огонь только потому, что от них мясо имеет лучший вкус. Он напоминает мне мою юность и пиры после удачной охоты. А огонь не гасит ветер и не заливает дождь. Он живет, пока рядом кровь яритов, которая течет во мне. Так заведено.

Старик глядел на меня очень серьезно, и у меня не было причин ему не верить. Хотя с точки зрения здравого смысла этот странный симбиоз существовать не может. Интересно, а с точки зрения магии может?

– Очаг у тебя – что надо, – заметил я. – Не пойму, правда, как ты дошел до такого святотатства, чтобы жарить в святилище мясо. Вот уж воистину помрачение кумиров. Но, положим, ты и вправду бессмертен. Я жажду услышать твою историю.

Смотритель вечного огня или просто Дед, как я его мысленно окрестил, уселся поудобнее, сделал соответствующее выражение лица и, сверля меня глазами, начал свой рассказ:

– Тогда не было ни сущего, ни не-сущего, ни неба, ни земли, ни воздуха, ни воды, ни огня, и только Семя праотца мира носилось по бурлящим волнам потока Хаоса – Дана.

Хранитель Священного очага поведал мне красивую историю о божь-творце, который создал огненный зародыш мироздания, из которого появилось все сущее. Якобы отец живых существ был незряч. Когда пришло время дать людям знания, он спустил на Землю глыбу белоснежного льда, в котором содержалось отражение его самого. Но древний змей Вритра, также обитавший в потоке Дана, из зависти хотел вырвать вместилище истины из рук Творца.

Во время их борьбы это огромное зеркало выскользнуло из их рук и, ударившись о землю, разбилось на тысячи мелких осколков, рассеявшихся по всему миру. С тех пор каждый ищущий мудрость, находя такой осколок, видит в нем кусочек Творца и частицу отразившегося в момент битвы змея Вритры, но видит их сквозь отражение собственного лица. Он думает, что узнал правду, но на самом деле это только малая часть целого, да и то едва видимая за его собственным отражением. Нет героя, которому удалось бы из получившейся мозаики собрать вместилище истины заново, и потому людям так и не дано познать до конца ни Творца, ни мир, ни самих себя. Но яриты верили, что однажды появится человек из их рода, Гандхарва, которому прозревший отец жизни откроет свое лицо снова.

Очевидно, у Варья были зачатки гипнотических способностей, потому что, когда рассказ закончился, я почувствовал себя настоящим яритом, явившимся на испытание. Выбравшись из области мифов, Варья слегка коснулся настоящей истории своего народа. Исходя из того, что я понял, яриты, или ярии, были некогда многочисленным союзом родов, обитавшим где-то в Причерноморье. Страж Святилища Огня вспоминал о той эпохе с нескрываемой ностальгией. Для него это был своеобразный Золотой век. Не знаю уж, в самом ли деле все обстояло так замечательно, или старик был склонен идеализировать молодость. Смущение у меня вызывали, пожалуй, его постоянные соскоки в область, далекую от реальности: какие-то «боги», спустившиеся с небес, сказочные существа и прочее в том же духе. Впрочем, в свете того, что сейчас творилось со мной, это выглядело не так уж и смешно.

– Вот так, – сказал дед. – С тех пор я всегда нахожусь здесь. У Священного очага я принимал юношей, и вместе мы начинали испытание. Прошедший его достоин жить и называть себя человеком. На Землю он возвращался обновившимся, настоящим воином, сильным, мудрым, справедливым. Всех недостойных пожирал демон Харутугшав, из чрева которого есть путь только в ничто. Таков был закон, и он будет таким всегда, несмотря на то что обряд испытания прекратился.

Тут я запротестовал:

– Это уж слишком! На Земле даже за убийство не всегда дают смертный приговор, а тут можно окочуриться из-за того, что природа не наделила тебя умом или силой. Зачем же сразу в ничто! Надо дать парням потренироваться, и пусть пробуют снова. Тут предки явно перегибают палку.

Хранитель задумался.

– Не знаю, может, ты и прав, – изрек он наконец. – Но я не властен над этим. У меня своя задача, а остальное – забота праотцов, и на их совести.

Я пожал плечами. Передо мной в который раз встала дилемма: как ко всему этому относиться? А может, здесь есть какой-либо третий вариант выхода? Лазейка в здравый смысл, способ все объяснить и примирить противоречия?

– Мир предков, – проронил я в замешательстве, – так это не Земля? Я, грешным делом, сначала подумал, что. – Тут я вспомнил, что как раз и помыслил, будто отправился к праотцам, поэтому сознательно закончил иначе: – Умер.

– Нет, что ты, *пока* нет, – успокоил он меня.

– Что значит «пока»? – всполошился я, холодея.

– Твое тело там, где ты оставил его, приняв сому. В мое время тела охраняли жрецы в ритуальных хижинах, чтобы покой испытуемых не тревожили. Но твоя сущность, атман, попав сюда, временно облеклась в новую плотскую оболочку. Оттого ты наг.

– И как же это возможно?

– Магия.

– Значит, все вокруг – ненастоящее, не существует?

– Отчего же? Тело твоё спит, но атман бодрствует. Он тоже реален. И если здесь ты умрешь, то окончательно, вместе с телом, которое оставил там. Уйдешь к демонам возмездия.

- Господи! Неужто все это правда?
- Истина, – подтвердил Варья. – Кстати, каким богам ты поклоняешься?
- Да никаким особо, – признался я.
- У вас что, все такие?
- Большинство. Не чтят ни богов, ни предков.

– Плохо, – расстроился старик. – У нас тоже такие были. Уходили к другим племенам, которые тогда еще ели друг друга, забывая законы рода. Атманы таких яритов после смерти тела слабеют и тоже умирают, отчаявшись найти дорогу в свой мир. Как чужие. А сущность прошедших испытание после смерти перерождается в бессмертное тело. Мы называем его вирадж – сияющее. И я таков, только ты пока не можешь это увидеть.

В сложившихся обстоятельствах мне было не до религии. Здравый смысл подсказывал, что я вот-вот очнусь, но галлюцинации такой длительности и связности – это, согласитесь, уже перебор. Что же мне, поверить деду? Я, конечно, не столь просвещен в науке и философии, но представить себе какую-то новую форму бытия, равно как и разместить ее у себя в голове, не получалось.

Тем не менее, независимо от того, как все обстоит на самом деле, я решил ничего не менять в своем обычном поведении, а, учитывая слова Варьи о вероятной гибели, по возможности уклоняться от всех возникающих опасностей. Невероятная история старика в каком-то смысле была продолжением цепочки, начавшей выстраиваться еще на Земле: намеки профессора Вритрина на напряжение в воздухе, древних индоевропейцев и возможность чудес, ссора с Таней, дерьмовое самочувствие, наконец, возлияние, закончившееся так плачевно. Складывалось впечатление, будто воздействие внешних факторов подозрительно «удачно» наложилось на внутренние проблемы, короче – что все это подстроено. Но кем?

Если не отбрасывать эту возможность, то мы с Саней случайно, или повинувшись чьим-то козням, действительно стали участниками забытого ритуала. Кстати, где же он тогда? Я решил выяснить, где Саня и кто над нами мог так пошутить. А также поподробнее узнать о сущности ритуала, раз уж я невольно оказался в роли его участника. Хотя подвизаться на свершение подвигов у меня не было никакой охоты.

- Слушай, можно я тебя буду дедом называть?
- Как хочешь, – буркнул Варья.

– Тогда, дед, если ты не врешь, где-то здесь должен быть мой друг. А его нет, хотя пили мы вместе.

- Не обязательно, – сказал Варья. – Он может и не быть яритом.
- А чем ты занимался тут все это время?

– Скучал. Но без дела не сижу. Охочусь, благо дичи полно. Грибы есть, рыба. Вечером фигурки вырезаю из кости. Гляди, – показал он пару заготовок, на мой взгляд, довольно симпатичных. – Оружие мастерю, уже целая груда. Спешить некуда, вот и стараюсь, чтобы было надежнее да красивее. А вообще – тоскливо до смерти. Ночью лежу, смотрю на небо, с богами говорю. Тяжко. Живого человека рядом нет. Старейшины бывают редко.

- Охотишься в долине?

– Нет, на плато. Внизу опасно. Местность до самого горизонта – для испытания. Это будто.

– Полигон, – подсказал я, удивляясь, как рождаются и странно звучат современные понятия на этом древнем языке.

– Точно. Я опытный воин, но лишний раз соваться туда не хочу. Ведь прошли тысячи лет. И голодный Харутугшав все ревет по ночам.

- Тот самый демон? А где его логово?

– Видишь две самые близкие горы? Между той, что повыше, и той, что справа, узкая пропасть. На склоне высокой – его пещера.

– Понятно. Далековато отсюда. Наверное, всю ночь идти.

– Где-то так.

Мы поговорили еще немного, и он поведал мне немало интересного. Я тоже поделился с ним своей жизнью, рассказал о городах, технике, войнах и современных нравах. Он оказался неожиданно понятливым и то и дело впадал в печаль или, наоборот, веселость.

– Да ну! – только и восклицал он. – Эка куда вас занесло!

Видно было, что впервые за эти тысячи лет он, избавившись от постоянного одиночества и обретя хоть одного собеседника, искренне возлюбил его всем сердцем. Он угостил меня мясом, грибами и даже раскошелится на кусок соли, которую берег как зеницу ока.

Мы по очереди пользовались ею вприкуску, вприлизку... Не знаю, как обозвать способ, которым мы ее потребляли.

Наконец, мы выговорились, и наступила тишина. Варья, словно опомнившись, сник и стал мрачен как туча. Я неожиданно почуял тревогу.

– С некоторых пор я ожидал твоего появления, – сказал старик. – Но оно оказалось не таким, как я себе представлял.

– Не понял, – насторожился я. – Ты что имеешь в виду?

Он взглянул на меня исподлобья.

– Недавно случилось нечто, что я расценил как предзнаменование. Была очень душная ночь. В горах была гроза. Я не спал, мучимый тоской. Внезапно снаружи моего жилища раздался звук, похожий на гром, но это был не гром, а скорее какой-то гул. Я выскочил наружу. В этот момент хлынул ливень. Струи дождя и ветви мешали что-либо рассмотреть, но вспышки молний осветили что-то. Будто в небо поднялось тускло светящееся облако. Я решил, что это спросонья, и забыл об увиденном. Потом уснул, но вскоре очнулся от неясного страха. Когда я открыл глаза, увидел, что у входа сидит связник с миром духов, огромная сова. Готов поклясться духом рода, что она очень четко произнесла: «Жди. Твое служение подходит к концу. Он придет». Но, похоже, боги посмеялись надо мной. Ты всего лишь случайный гость. А из твоего рассказа следует, что другие за тобой не придут.

Тоска, звучащая в словах Хранителя очага, передалась и мне. Щемящее чувство, возникшее где-то в солнечном сплетении, сжало сердце, и я засобирился домой.

– Ну, мне пора, – сказал я. – Приятно было познакомиться и поболтать. Ты классный мужик, и я при случае навещу тебя с выпивкой. Где тут выход домой?

– Выход? – прищурился дед. – На другом конце пещеры Харутугшаву.

Мое окаменевшее сердце выпало из груди и разбилось о внутренности.

– Как? – замер я. – А другого что, нет?

– Нет. Не предусмотрено. В конце обряда юноша должен принести жертву Харутугшаву, чтобы он пропустил его назад, – криво улыбнулся старик.

Я присвистнул:

– А если я, скажем, не захочу рыскать по полигону и тем более видаться с этим пресловутым демоном? Если я просто-напросто никуда не уйду отсюда? Что тогда?

– Боги рассказали мне одну притчу, – взялся за бороду дед. – У них было что-то, что обладало силой: вещь, испускающая жгучий свет. И еще было что-то, прозрачное как воздух, но твердое. Бог при мне направил свой свет на это, и луч прошел насквозь, не причинив никакого вреда. Потом он испачкал его. На нем появилось маленькое пятнышко грязи. Когда луч попал на пятнышко, – старик развел руками в стороны, – все разлетелось вдребезги. Это я веду к тому, что если за ночь ты не очистишься и твой дух не доведет тебя до цели вовремя, то твое временное тело сожжет первый луч солнца, который на тебя попадет. Рассвет погубит тебя, если к этому времени ты не покинешь пещеру.

– Замечательно, – сплюнул я. – Лучше некуда.

Я поглядел на солнце. Где-то четверть дня еще была в запасе. Плюс ночь. Получается, меньше суток, бах – и конец! Это в том случае, если испытание я не пройду. А помирать мне не очень-то хотелось, пусть и в галлюцинациях. В памяти хорошо отпечаталась боль, нанесенная ритуальным кинжалом Варья. Представляю, каково будет издыхать!

– Предупреждать надо! – рыкнул я на старика. – Не мог, что ли, сразу сказать? Старый пень!

– А зачем? – вздохнул он. – Ты все равно не продержишься и до полуночи. Я не хотел тебя пугать.

– Не хотел пу... Ой, кошмар! Варья, ты должен как-то это остановить. Я не хочу оставить здесь свои вторые кости. В конце концов, я же случайно здесь, я абсолютно не готов!

Я бегал вокруг костра и яростно жестикулировал, время от времени хватаясь за голову. Хранитель очага смиренно сидел, потупив взгляд.

– Я бы рад, да помочь ничем не могу.

– Ну, придумай что-нибудь, дед! Отведи меня к Харутугшаву и скажи, пусть пропустит без жертвы. Я ему потом в десять раз больше дам. Пожалуйста, дед!

Варья упрямо покачал головой:

– Не имею права. Да и не выпустит он тебя просто так. Кто я ему, родственник, чтобы он меня послушал?

– Проклятие! Ну, Саня, ну, спасибо за угощеньице! Тьфу, черт!..

Очевидно, железа, вырабатывающая адреналин, пошла вразнос, так как вместо страха мной начала овладевать холодная решимость, обильно сдобренная яростью. Холодно не было, но волосы на спине встопорщились. Ноздри мои раздулись и с шумом втянули воздух, а крепко сжатые губы и ходящие желваки придавали мне, наверное, весьма свирепый вид.

– Похоже, что выбора у меня нет, – проворчал я. – Валяй инструктируй. Не будем зря терять время, его и так в обрез.

Варья подскочил как ужаленный:

– Мои уши не обманывают меня? Ты всерьез решил пройти испытание?

– А что делать? Уж больно жить охота. А сидя тут я лишаюсь даже надежды.

– Пойдем скорей, – сказал Варья. – Я снабжу тебя всем необходимым.

Мы спустились по склону холма и прошагали немного вдоль ручья, пока не остановились возле строения, сооруженного рядом с источником.

Варья скрылся внутри. Я нервно прохаживался рядом, ожидая, что будет дальше. Вскоре он появился, облаченный в украшенный всякой всячиной меховой балахон и головной убор, изготовленный из черепа какого-то животного. В руках он держал охапку предметов, характерных для эпохи начала человеческой истории.

– Оденся, – скомандовал он и сунул мне добротную теплую и прочную накидку из шкур. Она была немного велика, а потому бесформенно обвисла на мне, но ночью можно было ожидать прохлады, поэтому я согласен был скорее на такой наряд, чем на отсутствие всякого. – Хоть какое-нибудь оружие знакомо тебе? – спросил Варья, раскладывая копья и дубины, пока я одевался.

– Видел в кино, да толку мало. Впрочем, с топором как-нибудь управлюсь, как и с ножиком. Ну а дубиной, по-моему, любой дурак может пользоваться.

– Хм. Так уж и дурак. Лук?

– При случае стрельну, но меткости не гарантирую.

Лук и пучок стрел оказались пристроены к моему одеянию. После дед выбрал из кучи две дубинки – одну увесистую, другую поменьше. Когда я взял большую в руки, она под действием силы тяжести тут же уткнулась в почву, так как удерживать ее я мог, только напрягая все силы.

Варья крикнул с досады и всучил мне вторую.

– Детская, – сказал он.

Потом я подвязался кожаным ремнем, закрепил за ним два ножа, топор и короткий дротик, которым сразу едва не выколол себе глаз. Пришлось переместить его за спину. Варья, снаряжая меня, сутился вокруг, словно боксерский тренер над своим подопечным в перерывах между раундами.

– А обуви нет? – спросил я, переминаясь босыми ступнями.

– Я сам босой, – отпарировал старик. – Не бойся, не отвалятся твои ноги.

Он оглядел меня, и, казалось, остался удовлетворен.

– Хватит, – сказал он. – Лишнее будет только мешать.

Я хотел было выяснить, что он подразумевает под лишним, но Варья не дал мне заговорить.

– Страх придаст тебе силы, – похлопал он меня по спине. – Главное – береги рассудок и не впадай в панику. Это верная гибель. Терять тебе нечего, так что в любой ситуации не отступай и стремись только к победе. Используй для ее достижения все, что сможешь употребить. Тут не ваши нравы, второго раза не будет.

Я кивнул, мотая советы на ус, а он тем временем потащил меня обратно к очагу, продолжая инструктаж:

– Все, кого ты встретишь, – магические существа. Они вечны, но тебе достаточно провести или прикончить их однажды, чтобы они тебе больше не досаждали. Слабости есть у всех, и ты должен уяснить, что их вполне можно одолеть. С чем бы ни столкнулся – никому и ничему не доверяй и всего опасайся. Помни: любая мелочь, которую ты недооценишь, может стать для тебя последней. Главное – не позволяй собой управлять. Верь в себя. Испытание для того и задумано, чтобы, используя все, что в тебе есть, достичь полного совершенства и свободы, в общем, переродиться.

– Понятно. Кстати, а когда все это кончится?

Во мне, как ни странно, оказалось столько самоуверенности, что я даже надеялся на благополучный исход предстоящей затеи. Это мне понравилось.

– Когда ты выберешься из пещеры демона, – сказал старик. – Но помни: не успеешь до рассвета – считай себя покойником.

И Варья сделал жест, означающий стопроцентное прекращение жизнедеятельности.

– Недурно, – процедил я.

Солнце, наверное, чем-то зацепилось за небо, так как его перемещения по небосклону не было заметно. Мы подошли так вплотную к огню, что пламя почти лизало мне ступни.

– Меня учили, – произнес Хранитель Священного очага, – что человек есть то, чем он может и хочет стать, а потому он – самое великое создание Творца. Но не всякий достает из себя все, что в нем спрятано. Сначала нужно открыть, разбудить в себе это. Вот зачем нужно испытание на самом деле. Мы как будто спим наполовину, из-за того, что в нас осталось от мирового змея Вритры. Всяческая гадость, от которой нужно избавиться. Уж не знаю, как это происходит, но за эту ночь ты точно узнаешь и свои слабости, и свои возможности. Ты поймешь, на что способно твое тело, где пределы силы и выносливости. Испытаешь свое мужество: сможешь ли ты побороть страх. Ты также выяснишь, можешь ли доверять своему чутью, способен ли ты любить и ради чего ты можешь собой пожертвовать. Измеришь свою честность, но вместе с тем изведешь, как велика в тебе ревность, коварство, мстительность и злоба. Тебе откроется мера прощения, заложенная внутри, и то, сможешь ли ты найти смысл там, где и надежда умерла. Ты проснешься по-настоящему. Или нет. В ночь испытания каждый выбирает, стоит ли ему жить дальше. Сам.

Уж чего-чего, а таких философско-поэтических выкладок я от Варьи не ждал. Ну, дает мужик!

– Боишься огня?

Я кивнул.

– А ты попробуй, полюби его. Увидишь, что будет.

Я вспомнил, как однажды один из моих друзей таким же образом учил меня справляться с холодом, приобщая к закаливанию, и вспомнил соответствующее умонастроение, которым и постарался проникнуться. Знакомое ощущение прозрачности перед стихией наполнило меня. Неожиданно я обнаружил, что Варья исчез. Вместо него ко мне обратился огненный вихрь:

– Потомок рода яритов Сергей! Войди в пламя!

Я с опаской исполнил его приказание и сильно удивился, что не было ни боли, ни жара при соприкосновении с огнем. Я так и не понял, то ли Варья стал Святилищем, то ли оно поглотило его, так как вокруг меня танцевал вихрь холодного огня, снаружи которого ничего не было видно.

– Готов ли ты приступить к испытанию?

– Ага, как пионер, – съязвил я.

В этот момент меня всего скрючило от боли, но лишь на миг. Видимо, шутки в данной ситуации неуместны.

– Вспомни, кто ты и зачем здесь. Так ты обрешь нужное состояние духа.

Меня не нужно было просить дважды. Я и так занемог от нетерпения.

– Ну? – спросил огонь.

– Я готов, – прошептал я, почувствовав, что теперь действительно готов на все, что угодно.

– Ты решился умереть или стать сильнее?

– Да.

– Погибнуть или обрести мудрость?

– Да.

– Если ты не постигнешь высшую справедливость и смысл, полигон уничтожит тебя. Если утратишь любовь ко всему, что тебя окружает, то будто бы и не существовал никогда. Ты готов проверить себя, ярит?

– Да, я готов.

– Да будут боги, предки и те, кто был до людей, милостивы к тебе и откроют тебе твою память и силу. Да будут звери, камни и деревья союзниками на твоём пути. Приступай, – прокотил огонь и обратился в Варью.

Я поспешно выскочил из очага, который наконец-то обрел полагающуюся температуру.

– Что теперь? – спросил я.

– Пора идти. Будь осторожен. Не знаю, что Доля приготовила для тебя. Помни, что данный обет для тебя важнее всего. И что бы ни случилось с миром, ты должен дойти. Дойти и вернуться. Иначе все это напрасно. Все, больше я ничего не могу для тебя сделать.

Я кивнул:

– Ничего. Сам во всем виноват.

– Это судьба. Боги дали мне знамение, и явился ты. Кто знает, может, ты – тот самый и тебе удастся все вернуть? Поэтому ты должен выжить. Обязан, ради потерянных поколений и ради будущих. Но не возгордись чрезмерно и не жалея себя. Ты ничем не заслужил право жить. Пока. Видишь тропу? Она сама выведет тебя куда нужно. А потом поймешь, как тебе поступать. Ну, ступай и будь настороже. Давай, вперед.

Я двинулся по тропе, но Варья догнал меня и заставил остановиться.

– У меня плохие предчувствия, – изрек он. – Ты умный, здоровый, должен все преодолеть, но. Что-то в этом мире неладно. Какое-то зло – причина разлада в стане предков, прекращения испытания, моего одиночества. Сейчас оно владеет долиной. Я боюсь за тебя, как ни за кого не боялся.

– Спасибо. Теперь я буду совершенно спокоен.

– Прости. Так для тебя же лучше. Зло в маске опаснее обычного. Не знаю, правильно ли я делаю. Держи.

Хранитель очага снял ожерелье с диковинным амулетом и напялил на меня.

– Той ночью, – сказал он едва слышно, – это осталось на месте, где сидела сова. Может, оно предназначено для тебя? Месламптаэ Ирий Яррита, Гандхарва.

В глазах старика сверкнули слезы и безумный огонь надежды. Только сейчас только я понял, как он переживал. Дед легонько подтолкнул меня, и я начал свой путь. Смысл загадочной последней фразы все не доходил до меня, и я оглянулся, чтобы спросить Варью, но он будто растворился. Вздохнув, я, бряцая первобытной амуницией, перешел ручей вброд, выбрался вверх по склону низенького овражка и зашагал вперед по тропе, готовясь, неизвестно к чему. Деревья, сомкнувшись у меня за спиной, скрыли от меня и Святилище Огня, и жилище его Хранителя.

Возвышенность, на которой располагался Священный очаг, осталась позади. Мой энтузиазм быстро улетучился, уступив место мелким мучениям души и тела. Несмотря на все разъяснения Варьи, мне так и осталось непонятно, куда я, собственно, направляюсь и что я должен там делать. Одиночество тяготило безмерно, да и позывы страха время от времени давали о себе знать. Но больше всего страдали мои ступни. Каждый шаг являлся для меня героическим подвигом до тех пор, пока пятки не онемели и не потеряли чувствительность.

Устав проклинать Саню, я постарался отбросить мысли о будущем и сосредоточился на текущем моменте и подстерегающих меня на пути неминуемых опасностях. Тропа вилась по ровному полю, поросшему какими-то дикими злаками и цветками. Вдали паслось стадо животных, вероятно копытных. Присмотревшись, я обнаружил, что это простые лошади. Они держались от меня в отдалении, но я на всякий случай ускорил шаг. Ничто по близости не предвещало опасности, в этом я был совершенно уверен, так как понижение местности все еще продолжалось, и я мог хорошо просматривать все предметы.

Спустя какое-то время откуда-то сверху донесся сиплый клекот. Подняв глаза, я долго не мог понять, что могло быть его источником, но вскоре обнаружил в небе черную точку, несомненно движущуюся по моим следам. Точка стала медленно описывать надо мной круги. Орнитология была для меня абсолютно далекой наукой, но было очевидно, что это какой-то хищник. Не думаю, что он собирался на меня напасть, но его присутствие действовало на меня угнетающе. Идти вперед в полном боевом снаряжении, поминутно задирая голову, весьма утомительно, поэтому когда я добрался до маленькой рощицы, встретившейся на пути, и юркнул в ее спасительную тень, то испытал большое облегчение. Собрав лицом несколько паучьих сетей вместе с их обитателями, я замедлил ход, с удовольствием ступая по мягкому мху и траве. Где-то потрескивали ветки, но меня это не насторожило, так как я был занят лавированием между колеблющимися липкими паутинами.

Ни с того ни с сего мне стало вдруг душно, да так, что я начал задыхаться. Испуганный этими симптомами, я быстро прислонился грудью к стволу могучего дерева, чтобы перевести дыхание. В тот же миг послышался свист, резкий щелчок, и дуновение ветерка над головой взъерошило мои волосы. Так же внезапно, как и появилось, удушье бесследно исчезло. Удивленный, я стал выпрямляться и уткнулся головой во что-то тонкое и упругое, торчащее из ствола. Миг назад его там не было, а теперь вдруг.

Заросли слева снова затрещали, и, оглянувшись, я с удивлением обнаружил, что кто-то улепetyвает от меня, не разбирая дороги. Он быстро скрылся, и я обратил, наконец, внимание на предмет, появившийся в нескольких дюймах от меня. Это была стрела. Почти такая же, как мои, но с другим оперением. Ее, несомненно, выпустил незнакомец, так поспешно ретировавшийся после промаха. Я полностью выпрямился и встал чуть в стороне, рассматривая стрелу. Оказывается, не пригнись я вовремя, она проткнула бы меня аккурат ниже шеи. Оставалось

только благодарить небеса за приступ недомогания и за то, что незнакомый снайпер не прицелился еще раз. Вероятно, он испугался, что я выстрелю в ответ, и решил спрятаться.

– Началось. – нервно процедил я и внимательно огляделся кругом, стараясь рассмотреть все недоброе, прячущееся между стволов и просветов листвы. Нет уж, увольте, испытание испытанием, но стрелять в спину – это подлость. Мое внимание привлекла пара свежих ветвей, торчащих из почвы под неестественным углом. Они были тщательно прикрыты листвой, но ветер обнажил следы срезов на их поверхности. У ствола дерева, склонившегося над тропой метрах в пятнадцати впереди, трава была подозрительно вялой и примятой. Как будто там что-то спрятано.

Мне на помощь пришли старые вестерны, изобилующие примерами зловещих индейских способов убийства. Взвесив дубинку в руке, я резко запустил ею, стараясь попасть в место, где веревка пересекала тропу. Рука меня не подвела. Я угодил в нужное место, и система, хитроумно задуманная и исполненная, молниеносно пришла в действие. Откуда-то снизу, разбрасывая комья земли и кустики папоротника, выросла смертоносная рогатина и со свистом исполнила свою задачу. Но, к счастью, несостоявшаяся жертва находилась в безопасности, прижавшись к дереву поодаль. Я подумал, что если бы и не выстрел лучника, то эта штукавина стопроцентно прикончила бы меня.

Я с тоской представил себе дальнейший путь, усеянный хитроумными приспособлениями для умерщвления, заботливо подготовленными живодерами-предками. Кто знает, сколько еще метров я пройду, оставаясь живым? Тысячу? Сто? А может, пять? Не остаться ли тут на всю ночь, наслаждаясь прохладой и безопасностью? Если, конечно, не явится еще пара снайперов. А утром? Мысль о том, что утром я окочурюсь, была невыносима. Я присел на корточки и, не сдерживаясь, горько, но беззвучно заревел. И за что же мне такое наказание-то, а? Что же мне делать?

К счастью, оглашать окрестности воплями о помощи я не стал. Они не только не помогли бы, но, наоборот, усугубили бы мое положение, собрав со всей округи шайки карателей, которые с радостью, я думаю, покончили бы с маленькой проблемой в лице меня.

Успокоившись, я тщательно высморкался, утер слезы и обиженно двинулся дальше, разглядывая мельчайшие детали, казавшиеся мне подозрительными.

Мне удалось без происшествий пройти почти всю рощу, если не считать происшествием то, что меня едва не придавило рухнувшим деревом, до этого преспокойно стоявшим в окружении других. Как и в случае с лучником, меня спасла нехватка воздуха. Я после этого уверовал в свою способность предчувствовать и истово надеялся, что она не покинет меня и впредь.

Когда я шел по роще, мне довелось лицезреть скелет несчастного в давно истлевших шкурах. Он висел на разлапистой сосне с удавкой на шее. Несомненно, вешаться он не собирався. Его повесили предки с помощью ловушек. Интересно, сколько времени он служит тут украшением?

Я уже почти выбрался из злополучной рощи, когда сердце забилось спокойнее, ноги сами понесли быстрее, и я вдруг вспомнил, что случается, когда теряешь бдительность, и остановился. Как оказалось, весьма кстати. Во время ходьбы я не замечал, но, затормозив, все же уловил неясную фальшь в структуре лежащего впереди участка тропы. Дело в том, что его поверхность имела мелкие нарушения, отличавшие его от прилегавших отрезков тропы. К тому же он казался более свежим.

– Прошу меня извинить, милые прашуры, но на ваши штучки я больше не покупаюсь, – сказал я, осторожно разгребая пальцами землю. Мало-помалу я обнаружил свитые крест-накрест ивовые прутья, раздвинув которые можно было рассмотреть внизу объемную полость. Теперь без опаски я снял плетенку, и мне открылась западня, устроенная для проходных. Сама яма была, бесспорно, очень древней, ее края обрушились и размылись дождями, но недавно вбитые колья и свежий маскировочный настил говорили о том, что ее реставрировали

совсем недавно, быть может, несколько часов назад. На дне покоился еще один бедняга. Его череп порос мхом и был полон земли. Кости рук, как плети, тянулись вверх в немом порыве выбраться из бесчеловечной ловушки.

Лучник, свежие засеки, рогатины и все прочее навели меня на мысль, что моего появления ждали. Ведь если испытание не проводится в течение нескольких тысяч лет, то все должно было прийти в упадок. Между тем наблюдалось совсем другое. Да и останки несчастных жертв показались мне не слишком старыми. Может быть, им несколько лет, пусть даже несколько десятков лет, но Варья вел речь о тысячелетиях. Очень странные находки усилили мою подозрительность.

Хотя кто их знает, предков? Может, они каждый год производят капитальный ремонт всех своих «угодий»? Вот только вздернутое тело. Определенно, бедняги погибли совсем не так давно.

Остаток рощи я предпочел преодолеть, вообще сойдя с тропы, что и проделал с успехом. Потом, правда, до меня дошло, что вне тропы могло быть то же самое, даже хуже, но, когда эта мысль пришла мне в голову, роща осталась далеко позади, а переживать задним числом мне почему-то не хотелось.

Степную растительность легонько трепал ветер. От свежих трав и цветов поднимался густой теплый аромат. Солнце спустилось еще ниже, стремясь скрыться за горной цепью. Я ускорил продвижение, стараясь до вечера спуститься с плато. Ближайшей точкой, где можно было спуститься, являлись ступенчатые уступы, расположенные рядом с маленьким водопадом, который сам пока не был виден, но его можно было вычислить по шуму. Как мне кажется, раньше река несла свои воды именно в том месте, где сейчас находились каменные плиты, служившие лестницей. Вода просто сняла с них грунт и слегка отполировала, выбрав себе позже новое русло.

Зеленые холмы постепенно сменились сухотравьем. Тень птицы, парившей надо мной, снова появилась и стала описывать концентрические окружности, в центре которых был я. Взглянув в небо, я с раздражением отметил, что ястреб, или кто он там, преследовавший меня до рощи, вернулся. Чего же тебе, тварь, нужно?

Ястреб покружился немного, гаркнул что-то и скрылся вдали. И тут мне снова стало нехорошо. Правда, не так, как при первых приступах, но тоже достаточно худо. Я почувствовал острую тревогу, от которой в груди началось странное жжение. Эти проявления неведомого недуга сильно меня смущали. Дело в том, что раньше я ничего подобного не испытывал.

Впереди маячили несколько куп деревьев. В их тени вполне мог прятаться кто угодно. Если мои приступы предупреждали меня об опасности, то, скорее всего, она должна исходить оттуда. Я залег в траву, и ковыль скрыл меня, как я надеялся, от посторонних глаз. Медленно двигаясь, пополз к деревьям, тщательно выискивая глазами чьи-либо неосторожные движения или подозрительно отбрасываемую тень. Солнце слепило глаза. Мне даже стало казаться, что оно подожгло мои одежды и они стали дымиться. Я, конечно, знал, что это бред, но ощущение было очень сильным. Я отметил, что и впрямь явственно чувствуется запах гари.

Я огляделся в поисках источника огня и обомлел: сзади и с боков на меня несло клубы дыма. Уже не заботясь о маскировке, я вскочил и смог оценить масштабы степного пожара: степь пылала по всей протяженности, охватывая меня полукольцом бушующего огня. Со стороны обрыва, правда, огня не было, но меня это не обрадовало: пока я туда добегу, огонь достигнет меня, если к тому времени я не задохнусь от дыма.

В таких случаях могут помочь спички: поджигаешь траву под ногами, и пламя очищает для тебя пятачок выжженной земли, покрытой пеплом. После этого достаточно лечь на землю и уткнуться лицом в мокрую тряпку. Но так как у меня не было ни спичек, ни воды, я помчался к деревьям, надеясь найти убежище в их кронах.

Одновременно со мной от пожара спасался табун диких лошадей. Вожак вел его прямо на меня, очевидно собираясь прорваться к реке. По моим следам мчалась полусотня разгоряченных коней, и я быстро сообразил, что если не сверну или не доберусь первым до спасительного дерева, меня вдавят в почву копытами.

И я рванул что есть мочи, невзирая на груз амуниции и едкий дым, от которого слезились глаза и першило в горле. Я бежал очень быстро, так, как никогда до этого не бегал, но эти «мустанги» имели по четыре ноги, приспособленные исключительно для бега, и очень развитую сердечно-сосудистую систему, которую не так легко, как человеческую, вывести из строя. Расстояние между нами быстро сокращалось. Я чувствовал, как вибрирует почва от их галопа.

Кашель не давал дышать, клубы дыма застилали глаза, и я даже не мог разглядеть, сколько метров осталось до дерева. К тому же, споткнувшись, я разбил большой палец левой ступни, а под ногами, как назло, попадалось все больше колючек.

Но зато я сумел оглянуться и, узрев взмыленные морды лошадей, позабыл про все невзгоды. Слова Варьи подтверждались: страх действительно придает силы, да еще и какие! Теперь я бежал, едва касаясь земли; мои ноги мелькали так часто, словно спицы в велосипедном колесе.

Довольно трудно передать ощущения, которые испытываешь в момент, когда твое тело сжигает калории, точно паровозная топка, а мозг оглушен потоками сильнодействующих гормонов. По-моему, сознание в такие минуты вообще не работает. Я помню, что вожак смрадно дышал мне в спину и, кажется, дал пинка копытом. Вероятно, это длилось десятую долю секунды, но для меня растянулось на вечность.

А потом клочья дыма рассеялись, и над моей головой появилась благословенная ветвь ясеня. Впрочем, может, я ошибаюсь, и это был не ясень, а, скажем, дуб. Но чувство, которое я испытал, созерцая эту ветвь, несомненно было самым сильным положительным переживанием за всю мою предыдущую жизнь.

Я подпрыгнул, легко ухватился за эту ветвь, хотя она, возможно, находилась на высоте более трех метров. Подтянув ноги, я зацепился за нее всеми конечностями и дальше пребывал в своеобразном ступоре, наблюдая, как подо мной гневной лавиной проносятся потные спины спасающихся лошадей.

Я склонен считать, что ветвь была сухой. Свежая, такого же диаметра, скорее всего, выдержала бы меня. А эта предательски затрещала и сломалась. Я почувствовал, что лечу вниз. Разжав руки, я выпустил бесполезный обломок надежды на спасение и приготовился к смерти.

Сознание покинуло меня, но хватательный рефлекс был на месте, и очнулся я уже на спине одной из старых кобыл, несшихся позади других. У нее почти не было гривы, поэтому я вынужден был судорожно обхватить ее за шею. Мое неожиданное хиловатое такси только всхрапнуло, не реагируя на неожиданную тяжесть, навалившуюся на круп сверху. Кобыла легко могла бы избавиться от меня, но близкий огонь и густой горячий дым беспокоили ее гораздо сильнее, и она была занята решением другой задачи. Обернувшись, я с оттенком мистического страха отметил, что деревья, на которые я возлагал такие надежды, объаты огнем. Оказывается, мне несказанно повезло. Не рухнул я на спину этой кляче, сейчас уже начал бы румяниться, превращаясь в аппетитную копченость. Сгореть, я думаю, не сгорел бы, но получил бы такие ожоги, с которыми без медицинской помощи и в живых едва ли остался бы надолго, не говоря уже о том, что дальнейшее движение к цели было бы бессмысленной агонией обреченного.

Я так надышался дымом, что меня начало тошнить, причем, синхронизируя свои усилия с движениями лошади, я добился в этом некоторых тактических успехов. Верховом, подсакивая на костлявом хребте кобылки, этот незамысловатый физиологический акт тяжело было выполнить не запачкавшись. Честно признаться, это была моя первая верховая прогулка, но то, что я смог удержаться без седла, узды и стремян, страдая к тому же от рвоты, свидетельствует о том, что во мне таились способности выдающегося жокея.

Когда мне полегчало и я оглянулся еще раз, тихая радость наполнила мою душу: пожар перемещался дальше к востоку, ветер гнал огонь прочь от реки, серебрящаяся гладь которой находилась теперь совсем рядом. Свершилось чудо. Я спасся.

Лошадь, безропотно сносившая мои выходы во время бегства, теперь вспомнила обо мне и, взбрыкнув задом, сбросила меня вниз. Кувыркнувшись через голову и пару раз перекашившись по земле, я поднял чугунную от дыма голову. Кони пили воду из реки. Быстрое течение омывало их натруженные ноги. Мелкое неширокое русло вспенивалось, огибая голыши, которыми был усыпан берег. Чувствуя себя копченой рыбой, я встал и встряхнулся. В голове гудело. Потом я понял, что шумит вода, падающая вниз с высоты плато. Водопад был теперь совсем рядом.

Я умылся, попил мутной воды со взвесью песка и поспешно ретировался, не дожидаясь, пока косые взгляды, бросаемые вожакom табуна, не перейдут в прямую агрессию.

Когда усталость немного стихла, я осмотрел свое вооружение. Оказалось, что лук сломан, как и большая часть стрел. Пришлось их выбросить. Дротик чудом уцелел. Один из ножей я где-то посеял, но второй был при мне. Кроме того, у меня оставались топор и дубина. Вполне достаточно для обороны.

Убедившись, что все в порядке, я начал спуск. Ширина речки в устье не превышала нескольких метров, но, падая с высоты, вода производила довольно большой шум. Внизу, под водопадом, плескалось озерцо. Вернее, это была просто котловина, вырытая водой за многие годы существования водопада. Успокаивая течение, поток снова бежал вдаль, где-то среди лесов соединяясь с большой рекой, лежащей посреди долины.

Удобнее всего было перепрыгивать с плиты на плиту вплотную с водопадом. Долина, лежащая внизу, представлялась взору неким полосатым серо-зеленым полотном. От чащи веяло холодным достоинством и неприступностью. И этот дремучий лес я должен преодолеть за ночь? Я сильно сомневался, что смогу это совершить, тем более если там для меня припасено столько же ловушек, сколько предки заготовили в роще. Правда, до пещеры Харутугшава теперь оставалось, предположительно, полпути, но дорога обещала быть адски трудной. Заблудиться в ночном лесу представлялось мне проще простого.

Охваченный сомнениями и беспокойством, я утратил бдительность и заметил подвох только тогда, когда было уже поздно. Каменная плита, на которую я ступил, была, оказывается, подкопана снизу и едва держалась на весу за счет распорок. Как только я сделал шаг, плоский валун начал крениться, грозя сбросить меня вниз, на рубленые грани скальных выступов, торчащие из осыпавшегося склона. Ухватиться было не за что; до края предыдущей ступени я не успел бы дотянуться. Я взмахнул руками, стараясь сохранить равновесие, но понял, что так меня через секунду накроет перевернувшейся глыбой.

Судорожно сжавшись всем телом, я в странном оцепенении следил, как глыба сбрасывает меня на камни.

«Изо всех сил прыгай влево, там вода!» – сказал мне внутренний голос, и я послушался.

Я спускался уже достаточно долго, но прыгать все же было слишком опасно. С высоты трехэтажного дома, перевернувшись в воздухе, я рухнул вниз сквозь облако брызг и вошел в воду под очень неудачным углом. Боль была так невыносима, что я с трудом удержался от крика. Совсем рядом промелькнули скользкие, отполированные струями водопада каменные островки, едва возвышающиеся над поверхностью котловины.

Вода бурлила. Быстрые струи, хаотично сталкивающиеся и перемешивающиеся, увлекали меня в разные стороны. Разглядеть что-либо не было никакой возможности: мешала мутная взвесь пузырьков воздуха, мелких камешков, донного мусора. Чтобы выплыть, нужны были силы и воздух, но при ударе я лишился и того и другого. У меня была только боль в «потрохах», как сказал бы Саня. Оттолкнувшись от дна, я кое-как стал подниматься, но очень медленно,

рискуя быть втянутым воронкой под тяжелую массу воды, обрушивающейся сверху. Сердце бешено гоняло кровь, но живительного кислорода все не было и не было.

Наконец мне удалось освободиться от хватки водоворота и удалиться от него на достаточное расстояние. Но мочи выбраться на берег уже не оставалось. Из последних сил я устремился вверх, отталкиваясь от тугой и плотной воды, но почувствовал, что в глазах сгущается тьма.

Очнулся я уже в сумерках, лежа в неестественной позе, наполовину погруженный в воду. Глаза терзала острая резь, в горле саднило, наверное, от сильного кашля. Измазанный илом, засыпанный галькой, на фоне бурого мха среди крупных влажных валунов, я был совершенно недоступен для посторонних взглядов. Господи, мне опять дико повезло, но только для чего? Чтобы меня грохнули на опушке леса? Ночь впереди, и нет разницы, раньше это случится или позже.

Очистив рот от всякой гадости, я устроился поудобнее. Ох, прав был один мой товарищ, любивший повторять присловье: «Жизнь тяжела, но, к счастью, коротка». Я слишком утомился. Мне даже начали чудиться голоса. По-пластунски, волоча тело, словно чужое, я прополз немного вперед и выглянул из-за валуна. Низко над водой кружил старый знакомый – пернатый хищник, по пятам следовавший за мной в степи. Сделав несколько кругов, словно высматривая что-то, птица скрылась за диковинной статуей, высеченной из камня. Грубо наменное свирепое лицо, когтистые лапы, угадывающиеся за плечами перепончатые крылья. Это кто, вожак местного пантеона? Демон? Животное? На уродливой громаде головы стояли трое мужчин в хорошо скроенных накидках из шкур. Незнакомцы оживленно спорили, энергично жестикулируя, а потом, без видимых тому причин, внезапно исчезли. Я протер глаза: так и есть, мужиков как не бывало. Да уж, странные дела творятся под солнцем.

Интересно, кто это был: предки-колдуны или результат кислородного голодания моего мозга? Или под воздействием все того же проклятого зелья такие штуки в порядке вещей? А птичка? Мерзкая тварь, он с ними явно связан, но как именно? Сто пудов, он следил за мной. Похоже, здесь они искали мое тело, и, судя по тому, что я жив, не нашли. Теперь они гадают, помер я аль нет. Распорки могли и сами собой рухнуть, а я вполне мог затихнуть в пепле посреди поля. Поди найди! Я очень надеялся, что эти назойливые провожатые с манерами террористов наконец отвяжутся и оставят меня в покое. Теперь я был точно уверен, что лучник, западни, пожар и подкоп на спуске – составляющие их мерзкого замысла. Но ассоциировать эти козни с Испытанием, как его описывал Варья, – в конце концов, там четкие правила игры с намеком на благородство даже смерть выставляли не в таком обидном свете, – мне не хотелось.

То, что, даже барахтаясь под водой, я не бросил оружие, дало мне повод проникнуться к себе уважением. Теперь я могу идти дальше, и я обязательно пойду. Испытание либо убьет меня, либо сделает сильнее. Ведь это же и есть верный способ рассуждать в этом мире, не так ли, господа предки? Так знайте, я ныне не тот, что давеча, покрепче буду, и к тому же теперь я шибко зол на вас!

Я прошествовал мимо каменного истукана и, сопровождаемый трелями сверчков, ступил под своды самого сказочного леса, о котором мне когда-либо в жизни доводилось слышать.

Предки, если это они стояли за моими неприятностями, были самыми настоящими беспринципными мерзавцами. И я почувствовал, что мной движет отныне не просто желание выжить, но и стремление раздолбать эту ненормальную сложившуюся здесь ситуацию, во что бы то ни стало, вне зависимости от того, на самом деле это происходит или только в моей отдельно взятой, но тоже ставшей ненормальной голове.

Глава 2

Деяния впотьмах

Человек, который промочил ноги, перестает обращать внимание на лужи.

Из наблюдений автора

Идти по ночному лесу – адски тяжелое занятие. Тем более для человека, который впервые в жизни попал в такой переплет.

Маршрут, ясное дело, был совершенно мне незнаком. Лес обострил мои чувства до предела. Зрачки привыкли к темноте, и, несмотря на дефицит освещения, контуры деревьев и рельеф дороги я различал довольно сносно. Всякий раз, когда ступня опускалась на обломки сучьев или цеплялась за грубую поверхность выступающих из почвы корней, я скрипел зубами, опасаясь выдать себя вскриком. Тропы дробились на рукава и расходились в стороны, или, наоборот, сливались с другими; поминутно передо мной стояла задача выбора направления. Стараясь ориентироваться по положению луны над темнеющими на горизонте пологими отрогами гор, я пробирался вперед, царапая ноги о редкий подлесок и стараясь не обращать внимания на бесчисленные нападения комарья.

Вскоре лес поредел, и я шагал теперь среди россыпей деревьев, покрывающих обширное пространство шириной в несколько километров. Запас рукотворных ловушек у предков явно иссяк, но их теперь и не требовалось: усталость делала свое дело, стремясь доконать меня постепенно. Двигаясь по равнине, я боролся с ней до тех пор, пока не добрался почти вплотную к скалистым холмам. Мой путь лежал через пустую котловину, посреди которой возвышались островки из нагромождений отполированных каменных глыб и сыпучего ракушечника. Очевидно, раньше здесь плескался небольшой пруд, но потом вода почему-то ушла, оставив открытым дно, усеянное плоскими камнями и нагромождением белесых пятен. Вблизи пятна оказались обглоданным добела остовом какого-то крупного животного. Шея и позвоночник давно рассыпались. Матово отсвечивали в лунном свете только ребра и кости конечностей. Череп поблескивал в отдалении. Мне стало не по себе, и я поспешил побыстрее убраться. Теперь я оказался на лужайке, заросшей по периметру густым кустарником. Здесь я сдался, решив немного перевести дух. Ломота в суставах и мышцах уже собиралась отправить меня на травку, но тут я заметил в кустах две крупные желтые точки. Когда я вперился в них взглядом, они быстро погасли.

«Наверное, светлячки», – пронеслось у меня в голове. Однако спокойствия это объяснение не принесло. Я напряженно вглядывался в кусты. «Светлячки» больше не появлялись. Но желание отдохнуть исчезло, и принимать горизонтальное положение я не решился.

Выпрямившись, я ощупал пальцами уцелевшее боевое снаряжение. Прислушиваясь к неясным шорохам в кустах, я чувствовал, как усталость покидает мое тело со всех ног, а волосы по всему телу неестественно шевелятся. Ничего не было заметно, и постепенно мне стало казаться, что все мои подозрения беспочвенны, что никого там нет и не было. Я сделал глубокий вдох, и тут мои ноздри уловили странный запах. Он не был мне знаком. Большую часть сознательной жизни проведя в городе, в отрыве от природы, я никак не мог сообразить, кому или чему он принадлежит.

В леденящем пространстве моего неопишуемого ужаса две желтые точки вспыхнули снова. На этот раз – чтобы напасть. За секунду или меньше до того, как все это произошло, меня бросило в знакомый жар, и я, не отдавая себе отчета в происходящем, с воплем рухнул на траву. Наверное, это меня и спасло, так как в следующий миг кусты размело в стороны, в

воздухе порхнула тень и одним прыжком перемахнула через меня. Я откатился подальше от кошмарного существа, умудрившись встать на одно колено.

Зверь, или кто он там, тут же развернулся мордой ко мне, словно у него не было костей – настолько свободно и быстро ему удалось это проделать. Я благодарил судьбу за то, что приступ малодушия избавил меня от столкновения с тушей этой твари, и за то, что она сиганула слишком сильно и оказалась сейчас довольно далеко от меня.

Хищник приземлился удачно для меня: освещение луны позволило мельком его разглядеть. Бегло выхватив глазами наиболее яркие и характерные детали, я усомнился, что чудовище является зверем, то есть относится к классу млекопитающих. Если такие экземпляры и водились на матушке-земле, то, пожалуй, в те времена, когда человечества еще не было и в проекте.

Тело существа покрывала редкая, как у свиньи, щетина. Грубая черная кожа блестела от выступившего пота и жира. Когти на массивных лапах не втягивались внутрь. Морда чудюда была залатана мелкими роговыми наростами. Язык непрерывно двигался, вытесняя слюну, стекающую с крупных стилетообразных зубов. От реликтового звероящера исходило острое зловоние. Хвоста заметно не было.

«Это бред, бред! Безумие! Такого животного нет в природе!» – лихорадочно доказывал я себе. Но тут, неведь откуда, у меня объявился вдруг второй внутренний голос, который здраво рассудил: «Существует или нет – какая разница. Это же не помешает ему сожрать тебя, если ты не пошевелишься!»

Тварь, видимо, размышляла, как меня прикончить с наименьшими трудозатратами. Пока я соображал, какую тактику избрать для защиты, хищник уже сгруппировался для нового броска. Не зная, что предпринять, я замер в стойке вратаря перед пенальти. Только цели у нас с вратарем были диаметрально противоположными: вратарь стремится любой ценой встретить мяч и поймать его, а я готов был бежать от этого «мяча» куда глаза глядят. Поэтому, когда зверь устремился ко мне, я вновь нырнул под него и чуть в сторону, стараясь закончить движение как можно быстрее. В воздухе он дернулся, чтобы достать меня; его челюсти сомкнулись чуть выше моей шеи, но они просто глухо лязгнули. Звук подействовал на меня как ушат холодной воды: еще бы, прояви хищник чуточку больше желания, я отправился бы к «демонам возмездия». Но, хвала тому, от кого истекают все блага, этого не произошло, и я попытался мобилизовать все свои способности, чтобы этого не произошло и впредь.

Не успев приземлиться, я уже развернулся вполоборота, вынимая из-за перевязи дубину. Зверь тоже, не теряя времени, ринулся ко мне без промедления. Я ожидал от него прыжка, но тварь его так и не совершила, предпочтя «перелетам» пешую прогулку. Семена всеми четырьмя лапищами, роняя на траву зловонную слюну, пакость быстро неслась ко мне. Только теперь я заметил, что существо, позарившееся на меня, обладает еще и коротким мясистым хвостом, который держит неподвижно. Зубастая сухопутная торпеда.

Не придумав ничего более умного, я изо всей силы нанес удар дубиной, которая попала ему аккурат между зубов, в правую часть пасти. Насколько я могу судить, удар был силен. Человек после такого уже не поднялся бы. Послышался хруст, полетели осколки зубов и ошметки десен вперемешку с кровью. Но ужасное животное это остановило лишь на миг. Только разозлило. С тяжким вздохом я потянулся за ножом, но не успел его выхватить, так как зверюга в ярости вновь поднялась в воздух. Я отшатнулся, но это помогло лишь отчасти. Его лапы ударили меня в плечо и грудь, едва не вышибив дыхание. У меня затмило глаза, и я грохнулся на спину, в то время как хищник по инерции проскочил дальше, умудрившись задней лапой свезти с моего черепа, за ухом, лоскут кожи вместе с волосами. Боль и слабость сковали меня; я едва заставил себя сделать вдох. Волна смертельного ужаса уберегла от потери сознания и спасла от неминуемой гибели.

Зачинщик драки по неясной причине замешкался, быть может, тоже от боли. Это дало мне немного времени. Собрал волю в кулак, я перевернулся на живот и встал на четвереньки. Из борозд, оставленных когтями на груди, сбегали темные капли крови, за ухом и выше виска засела жгучая пульсирующая боль, шея и часть спины стали влажными.

Отерев глаз от сбегающей крови, я поискал взглядом противника. Мои вялые движения стали для него откровением. Он-то, видимо, решил, что я уже сдался, поэтому не очень спешил. Я подобрал части своего сломанного копья, выпавшие из-за перевязи, и приготовился к новому раунду.

Хищник снова взметнулся в воздух. Я инстинктивно почувствовал, что на этот раз он точно не промахнется. Реликт намеревался приземлиться на меня сверху, сбить с ног и прижать к почве, чтобы раз и навсегда решить исход схватки. Я с его планами был не согласен и страстно желал избежать такого исхода. И, претворяя свое желание в жизнь, направил копьё в его сторону. Когда он был надо мной, наконецником я изо всех сил постарался оттолкнуть его, упираясь в грудину, и одновременно пытался убраться с места, где он рассчитывал меня накрыть.

Наконечник неожиданно соскользнул с кости, и мой обидчик в полете неслабо распорол брюхо о зазубренную кромку лезвия. Обломок копья остался где-то во внутренностях животного, а меня вынесло всего на полметра из-под туши приземлившегося зверя.

Моя выходка вывела существо из себя. В ярости от боли и злости, оно быстро развернулось, пытаясь не дать мне улизнуть, и тут из его брюха стали выпадать кишки. Пасть его была обезображена, с нижней челюсти свисали клочья плоти, из верхней торчал обломок кости. Это поработала моя дубина. Но я находился слишком близко. Сообразив, что мне не уйти, я вынул-таки оставшийся нож и вонзил каменное лезвие неумной твари в мякоть между шеей и ключицей. Фонтан крови обрызгал меня, а следом за этим, как бы в отместку за раны, огромная лапа гвозданула меня по голове. Я отлетел в заросли, испугавшись, что окосел на один глаз. Перед вторым оком обильно вились светящиеся мошки.

Как бы то ни было, это был в худшем случае нокдаун, но все же не нокаут, поэтому я, пошатываясь, поднялся, нашаривая за поясом топор. Это единственное оружие, которое у меня оставалось. Высморкавшись кровью и обнаружив, что повреждения от когтей на этот раз незначительны, я попытался навести резкость, чтобы оценить состояние врага.

Чудищу, столь усердно помогавшемуся моей гибели, приходилось туго. Дыхание стало тяжелым и частым. Мерзавец терял много крови. Заметив, что я поднялся, зверь захрипел и рванулся в мою сторону, но я вовремя отскочил. Задние лапы уже с трудом ему повиновались, но он все же поднялся и попытался достать меня в прыжке как раз тогда, когда я собирался остановить его мучения ударом топора. Каменное лезвие раскроило ему череп, и он попытался увернуться от следующего удара. Ему это удалось, а заодно удалось также придавить мне ноги своей задней частью и брюхом. За это я отплатил ему, перебив хребет.

Чуя, что конец близок, хищник глухо и тоскливо рычал, но его рычание постепенно сошло на хрип. Я все никак не мог выбраться из-под него, так как приходилось отбиваться от его лапы, которая, даже будучи раздробленной, внушала мне ужас.

Наконец лужа крови растеклась вокруг его туловища, и он затих, уронив в нее неестественно изогнутую голову. Тусклый взгляд мертвого животного вогнал меня в ступор. Религиозное сознание в человеке старается найти быстрый способ избавиться от таких состояний. Я воспользовался древним приемом изменения фокусировки внимания: истово перекрестился.

Потом до меня стало доходить, что мои колени елозят под скользкими потрохами твари, что я чуть жив от усталости, изранен, с ног до головы запачкан своей и чужой кровью. Когда я вынимал из раны зверя нож, показалось, что мои внутренности хотят меня покинуть. Я стал обтирать оружие, а перед глазами все еще стоял взгляд умирающего, в ушах звучал его пред-

смертный хрип. От отвращения и какой-то безумной вины перед убитым меня все-таки снова вырвало.

Сегодня нас свела здесь судьба. Инстинкт, или программа, вели эту животину и руководили ее действиями. Мной руководило желание уцелеть. Один из нас должен был закончить свои дни на этом месте. Мне повезло больше, и я выжил. Могло быть иначе. Но, по крайней мере, это был честный поединок. Не в «предковом» стиле.

Я покинул лужайку, не в силах выносить красочную картину побоища. По дороге подобрал и дубину. Без сил я волочил ее по земле, стараясь не рухнуть. Пиррова победа.

Вскоре я набрел на мелкий, всего по пояс, пруд, и прямо в накидке плюхнулся туда. Ноги вязли в глинистом иле у бережка. Я забрался подальше, чтобы смыть корку из крови и пыли, покрывавшую тело. Почувствовав облегчение, выполз на берег. За день воздух достаточно хорошо прогрелся, но меня ощутимо морозило, пока я слегка не обсох. Атаки мерзких комаров стали невыносимы. Их, по-видимому, влажное тело манило больше, нежели сухое. Мне пришлось в голову обработать свои повреждения, и я использовал для этой цели клочья изодранной на груди накидки, скорее отпилив, чем отрезав их от шкуры с помощью ножа. Приложив к ране на голове листья подорожника, я зафиксировал их импровизированным бинтом. Следы от когтей на груди досаждали меньше, и я оставил их без внимания. Что касается заплывшего глаза, то с ним я поделаться ничего не мог, а потому и не пытался. Вздумай я позаботиться обо всех мелких повреждениях, мне пришлось бы извести на перевязочный материал всю свою одежду, так как большая часть моего тела кровоточила, болела или, по крайней мере, чесалась.

Пока мне сопутствовала удача, да и сам я, следуя заветам Варьи, использовал для победы все силы. В груди появилось робкая надежда на благополучный исход испытания. Эх, видела бы меня сейчас Танюшка!

Я поднял топор и потряс им, угрожая абстрактным врагам в сторону гор. Одновременно я стукнул себя кулаком в грудь.

– Я дойду, дерьмовые прашуры! – негромко бросил я в темноту.

Так всегда: преодолевая какой-либо рубеж, словно получаешь от победы новые силы. Чем больше можешь – тем больше входишь во вкус, обретаешь уверенность, и вероятность нового успеха сразу возрастает.

Я начал взбираться по каменистому склону, усеянному валунами. Моим пяткам неслабо доставалось от острых каменных щепок. Уровень местности явно повышался. Валуны становились крупнее. Ветер ощущался сильнее. Когда меня совсем скукожило, я решил развести у разбитого молнией дерева костер. Обычно под рукой были спички или зажигалка, но при их отсутствии добыть пламя представлялось неразрешимой проблемой. Тем не менее я взялся за эту задачу, мобилизовав сведения, почерпнутые из книг и популярных телесериалов о жизни примитивных племен в дикой природе.

Я заготовил смесь из горсти сухих травинок, мелких веточек, кусочков коры. По идее, первобытный способ получения огня требовал наличия именно такого топлива. После я постарался использовать подручные камни и оружие для высечения искр. Несколько минут я пытался произвести пожар, но тщетно. Особых искр не получалось, а от тех, что были, толку было мало. Я ушиб ноготь, расцарапал обе руки, но результата так и не добился. В обиде на создателей передач о туземных обычаях, я бросил свою задумку и побрел дальше.

Я хмуро улыбнулся своим мыслям. Выходит, я полностью поверил версии Хранителя Священного очага. А какие теории у меня есть в запасе? Сон? Галлюцинации? Глупо. Сейчас-то я как раз чересчур живой и с ясным сознанием. С болью, голодом, усталостью и тревогой. И любовью. Или уже нет? Злюсь ли на свою зазницу за то, что, страдая по ее милости, попал сюда? Я поежился и взглянул на небо. Луна сместилась немного вправо. Очертания гор будто бы стали ближе.

Спустя какое-то время я учуял запах дыма и сбавил шаг, на всякий случай приготовив обломок копья. За густой порослью деревьев вился след дыма от очагов. Оттуда доносились какие-то звуки и странная музыка. Колебался я недолго. Огонь – это люди. С ними все же приятнее иметь дело, чем с хищниками. В конце концов, не обязательно же они, кто бы там ни был, собираются меня прикончить. Не спеша, но уверенно, я приблизился и, подойдя вплотную, остановился.

Право же, мне встретила нескучная компания. На опушке восседало на бревнах, пнях и просто на траве с полдюжины писанных красавиц. Некоторые из них кусками вычищенной кожи, закрепленной на поясах, скрывали только бедра. Гардероб других включал в себя распахнутые короткие жилетки, оставляющие открытым живот. Одна была облачена в подобие длинной рубахи или сарафана с вырезом. Все девушки имели длинные волосы, разделенные спереди ровным прямым пробором. Лица были умело раскрашены, с расчетом подчеркнуть и без того приятные черты. На шее, груди, животе у многих виднелись в свете костров причудливые цветные татуировки не совсем приличного содержания. Чудные дивы носили что-то вроде мокасин.

Я позавидовал существу, которое красотки всюду ублажали пением и эротичными танцами. Хозяин этого гарема представлял собой причудливый человекозверомикс. Рыльце кабана, обвисшие собачьи уши, хвост и копытца – словом, отпрыск сатира и хавроньи, сильно смахивающий на образ черта, бытующий в народном фольклоре и столь красочно описанный Гоголем. Девушки были вооружены флейтами, свирелями и рожками, а сам предводитель оркестра забаррикадировался тамтамами, барабанами и держал в руках бубен. Все сборище живо наяривало на инструментах незамысловатую мелодию, иногда включая в нее текст приблизительно следующего содержания:

«Приди, ласковый и смелый герой, отдохни в нашем кругу, насладись нашим гостеприимством и ступай на подвиги. Не пренебрегай нашим угощением, ведь ты так устал. Посмотри на наши стройные станы, и поймешь, что таких ты раньше не видал...»

Рекламная песенка мне понравилась. Тем более что шлягер, по-видимому, предназначался для проходящих испытание. Особый шарм произведению придавал ритм, над которым самозабвенно изощрялся всеми конечностями свинопесиголовец. Я оказался вежливым слушателем и, не тревожа народ, простоял до конца композиции, кивая головой в ритм и притопывая носком ноги.

Меня, конечно, давно заметили, но это не заставило музыкантов прервать свое занятие. Напротив, они заиграли с новым жаром, умудряясь сдабривать вокальную партию элементами стриптиза. Удивительный свиночеловек иногда вторил девушкам, вклиниваясь своим баском. Я сначала обиделся, что меня игнорируют, но тут же сообразил, что стараются они ни для кого иного, как для меня. Тут следовало ожидать подвоха. Все действия совершаются людьми с определенной целью. Глупо предполагать, что этот концерт бескорыстно затеян специально для развлечения одиноких путников. Но искушение погреться у очага было слишком сильным.

Я огляделся. Отделения снайперов, засевших в ближайших кустах, вроде не наблюдалось. Что касалось существа, лихо управляющегося с барабанами, то я был уверен, что смогу с ним справиться. Девчонок я в расчет вообще не брал, а потому смело устроился у огня, всем видом выказывая дружелюбие.

Концерт продолжался еще некоторое время, потом виртуозы умаялись и устроили антракт. Уставшие и разгоряченные, они расположились вокруг меня, глядя с интересом и ожиданием. Жирный барабанщик ронял со лба пот на свое волосатое пузо.

– Развлекаетесь? – осведомился я, изобразив улыбку.

– Репетируем, – отдуваясь, ответило существо. – Я Намухри, бывший шаман. Тут нахожусь в, своего рода, ссылке. Предки наказали за прелюбодеяния. Теперь вот музицирую на досуге.

Представляться я пока не собирался. Намухри был смешон, и я не мог сохранять серьезный вид, глядя на его физиономию. Да уж, кого только не встретишь на этом полигоне. Контингент подбирался предками с изрядной долей веселой фантазии.

– У вас неплохо получается, – заверил я его. – Но, учитывая, что для репетиций у вас есть целая вечность, репертуар можно было бы подготовить и получше.

Намухри прятнул ушами, прихрюкнул и скривил рыльце:

– По-твоему, у нас других забот нет? А пропитание? А поддержание огня? Хозяйство, опять же. Голову приклонить некогда.

– Ну и порядки тут, – недовольно заметил я. – Как говаривал один мой друг, неоплаченный труд – это рабство. Хоть о снабжении пищей предки могли бы позаботиться.

– От них дожدهшься, – буркнул Намухри. – Зато норовят за все дань наложить.

– Жаль, некогда мне заниматься местным политическим устройством. Я бы живо заставил начальство сменить социальную политику. Профсоюз, забастовка, социализм.

– Чего?

– Долго объяснять. Суть в том, что вы бросаете работу, пока власти не выполнят ваши требования. По большому счету, по предкам трибунал плачет. За геноцид в отношении тех, кто проходит испытание. Судить их нужно, вот что.

Намухри ничего не понял или сделал вид, но испугался.

– Тише ты, – цыкнул он. – Ночь все слышит. А предки знают мысли ночи.

– В таком случае они слышат и мои мысли. А я все равно это подумал, так что нет никакой разницы, произнес я это вслух или промолчал.

Моя логика смутила запуганного Намухри, и он поспешил перевести разговор на другую тему.

– Оставим высшие силы в покое, – предложил он. – Мы всегда рады путникам и готовы разделить с тобой скромный ужин и тепло очага. Надеюсь, ты не откажешься от нашего угощения.

Еда и тепло – это как раз то, в чем я отчаянно нуждался. Перекушу слегка, а там видно будет. Главное – держать ушки на макушке.

Я благосклонно кивнул. Намухри обрадовался как ребенок и хлопнул в ладоши. Девицы живо бросились выполнять его указания, и в считанные минуты предо мной возникли самые разнообразные кушанья и напитки. Аппетитные куски жареной дичи, грибы, яйца пришлось очень кстати. Из темноты девичьи руки подавали полые тыквы, в которых плескались молоко, кислое пиво и что-то невнятное, но явно «с градусом». На широких листьях в изобилии красовались плоды, ягоды и прочая снедь. Надо сказать, что особое оживление у меня вызвали несколько кусков соли, покоившиеся среди угощений. Да уж, на добычу такого пропитания ежедневно нужно немало времени. Но заключение у прелюбодея все равно веселое. В голову пришла аналогия с современными тюрьмами, где, несмотря на строгий режим, можно достать все, что угодно, вплоть до наркотиков и оружия.

Может, меня хотят отравить? Какое-то время этот вопрос терзал меня, но никаких неприятных предчувствий не возникало, да и приютившие меня девушки с таким аппетитом уписывали снедь, что сомнения насчет доброкачественности пищи сами собой отпали, и я принял участие в трапезе.

О, какое удовольствие поглощать натуральную пищу, приготовленную на костре, пропитанную дымом и лесными ароматами! Блики пламени, мерцание звезд, болтовня Намухри, успевавшего за разговором обильно уничтожать пищу, блаженное тепло, разливающееся по телу от выпитого спиртного и сочного горячего мяса, доставляли непередаваемое удовольствие. Комары исчезли, выкуренные дымом, под моими чреслами оказалась медвежья шкура, а плечи от холода укрыла пушистая накидка из беличьих шкурок. Парочка девушек, которые показались мне наиболее симпатичными, словно по наитию прижались ко мне с обеих сторон

и оказывали всяческое содействие, подавая еду и сосуды с питьем, на которые я указывал. Остальные устроились рядышком и, взяв свои инструменты, завели тихий медленный напев, который объединял покой ночи и танец огня в одно умиротворяющее безбрежное море уюта. Намухри приволок бубен. Управляясь с ним, он продолжал есть, не забывая поддерживать отвлеченную беседу.

Я давно насытился, но никак не мог себя остановить. Вот этот кусочек мяса. Пару грибов. И еще кусочек. А теперь, пожалуй, глоток пива.

Близость девичьих тел возбуждает. Они прижимаются все теснее и уже не ограничиваются только кулинарным обслуживанием. Приятный расслабляющий массаж, легкие объятия, все более смелые ласки. Чьи-то губы шепчут что-то нежное. А вот они уже касаются щеки, шеи, спускаются ниже.

Не могу ответить с полной уверенностью, кем я себя в тот момент чувствовал. Возможно, монархом какой-либо восточной династии, а быть может, самим Иеговой, восседающим в раю в окружении праведников и благосклонно внимающим их хвалебным песнопениям. Я отобрал у одной из девушек тыкву с напитком, наиболее, на мой вкус, напоминающим вино, и, поднявшись, заставил Намухри сделать то же самое, всучив ему другой сосуд. Тот поднялся, недоумевая, чего я от него хочу. Музыка стихла.

– А теперь предлагаю тост за успешное окончание моего испытания! – с чувством произнес я, про себя отметив, что в достаточной степени трезв. Правда, мне не хотелось, чтобы они об этом догадывались.

– Ах вон оно что, – расслабился ссыльный гибрид. – Разве нельзя выпить сидя?

– За это, – наставительно поднял я палец, – выпьем стоя!

Наши тыквы встретились, хлюпнув, после чего я выбулькал содержимое своей до дна, выбросив пустую емкость в кусты. Потом проконтролировал, чтобы этот хряк тоже все допил. Ему не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться.

После мной овладела беспричинная веселость и желание поразмяться.

– Хватит с нас лирики! – возгласил я, освобождаясь из плетива девичьих рук. – Давайте танцевать!

Мое предложение было встречено с пониманием и поддержкой. Намухри, как и полагается заправскому шаману, подхватил бубен и понесся с ним вокруг костра, сопровождая свою пляску поклонами, приседаниями, вычурными конвульсиями и визгливым похрюкиванием. Девушки разделились: одна группа обеспечивала музыкальное сопровождение, покачиваясь в такт музыке, вторая устроила вокруг меня хоровод. Танцевали они, без сомнения, красиво, но меня раздражало, что повторить их сложные движения и изощренные ужимки не получалось.

– Э, нет, – расстроился я. – Так дело не пойдет. Ну-ка, дай-ка сюда бубен.

Намухри послушался, и я, получив требуемое, забрался в центр импровизированной ударной установки. Попробовав звуки, издаваемые каждым «инструментом», я задал вполне клубный ритм, потряхивая бубном.

– Сейчас на земле в моде этот стиль, – сообщил я. – Сможешь так?

Намухри заверил меня, что сумеет, и я уступил ему место. Попробовав, он вошел во вкус, и ко мне вернулось благодушие. Я растолковал девушкам, что от них требуется, и, взяв на себя функции преподавателя танцев, быстро добился нужного результата.

Тут-то я на славу повеселился. Глядя на то, что я вытворяю, команда сначала замерла, раскрыв рот, но вскоре по-обезьяньи начала повторять мои движения точь-в-точь. По крайней мере, мне, уже слегка охмелевшему, так казалось.

В самый разгар веселья я оказался лицом к лицу с одной из танцовщиц. Ее звали Жра. У нее были светлые мягкие волосы и темные бездонные глаза, нырнув в которые я уже не мог вырваться обратно. Блики от костра плясали на белках ее глаз, жилетка была расстегнута, обнажая настоящие произведения искусства из плоти и крови. Тело девушки явно тяготело к

моему, и я, поддавшись взаимному порыву, притянул его к себе. Она была гибкая и податливая, как язык пламени, пульсирующий в ритме музыки. Мы вились друг около друга, прижимаясь ближе и ближе. В определенный момент я понял, что это уже не совсем танец. Окружающее перестало существовать, растворившись в этой дикой первобытной ночи. Остался только ритм, внутренний жар и ее глаза. Я находился в состоянии гипноза или ритмического транса, которому подвержены камлающие шаманы. Я двигался, чувствуя ее прикосновения, а звезды хаотично плясали в черном небе.

Бум, бум, бум, – обливается потом Намухри.

Тум, тум, тум, – бешено стучит в груди сердце. По-змеиному переплетаются наши руки, и мы уже не в состоянии разорвать эту связь. Я и не заметил, как музыка вновь изменилась, стала той, первобытной, спрятанной в подкорке мозга, в африканских ритуалах, приправленных дразнящими углями звезд и очагов, звуками ночи, движениями борьбы и продолжения рода. Она подчинила меня себе, и я перестал быть мыслящей личностью. Я перевоплотился в пляшущую вязь мышц, ведомую инстинктом, извечный архетип воина-самца. Древняя звериная основа проснулась и стряхнула все лишнее прочь.

Я думаю, эта банда добилась бы своего. Способ, которым они меня поймали, был так прост и эффективен, что не действовал только на святых и стариков. Как я мог повестись на такую неприкрытую наживку? Наверное, просто мне этого хотелось. Скорее всего, все было срежиссировано предками с самого начала и до мельчайших деталей. План их был безупречен, но кое-чего они не учли.

Вероятно, я так и плясал бы, поддавшись силам Эроса, пока, совершенно истощившись, не стал бы их легкой добычей. Или увяз бы во всеобщей оргии, потеряв остатки разума. А возможно, будь я еще более глуп, напился бы как свинья и в похмелье очнулся бы, когда солнце уже поедало его плоть. В любом случае я вышел бы из игры и уже никогда не вернулся бы домой, если бы не.

Несмотря на агрессию против моей психики, какая-то часть моего сознания все же не вышла из строя. Я все пялился в глаза Жра, стремясь овладеть ею, и уже не помнил ни кто я, ни где нахожусь. В определенный момент девушка пластично изогнулась всем телом, встряхнула волосами и, соблазнительно приоткрыв рот, подмигнула. Так, как будто бы это.

«Совсем как Таня. – пронеслось у меня в голове. – Таня...»

Это слово что-то для меня значило. Но что? В голове что-то перевернулось, и до меня дошло, что глаза девушки, обвившейся вокруг меня, полыхают тем же желтым пламенем, что и у того хищника, что давеча моими стараниями простился с жизнью.

«Это тебе не Таня», – мучительно родилась мысль.

«Это не ночной клуб».

«Перед тобою враг, – сказал внутренний голос. – Очнись, наконец, дурак!»

Девушка потянулась ко мне губами.

– Нет! – зарычал я, отталкивая ее. На землю мы упали одновременно. Слабость сковала меня, и я едва мог пошевелиться. Сердце гулкими очередями посылало в голову порции крови, вокруг все плыло.

Я стоял на коленях, а они все – вокруг меня. Больше не было никакой музыки, и только мое тяжелое дыхание нарушало тишину.

– Приятно было провести время, – пробормотал я, облизывая губы. – Я, пожалуй, пойду.

Только сейчас я с ужасом осознал, что теряю столь драгоценные время и силы. Отдышавшись, с трудом поднялся и обнаружил, что расступиться и пропустить меня никто не намерен.

– Дайте пройти! – сдавленно прохрипел я.

– Ты никуда не должен идти! – повелительно взвизгнул Намухри.

– Живо, пропустите меня!

– В твоём состоянии глупо на что-то надеяться. К тому же ты уже опоздал.

– Посмотрим.

– Дурак, – сказал свиночеловек. – Ты погибнешь. Ты ничего не сможешь поделать с тем, что тебя ждет. Я предлагаю вариант получше: жизнь до рассвета, полная удовольствий и наслаждений. Тут тебе нечего бояться до самого утра. Это же лучше, чем издохнуть в муках через полсотни шагов отсюда!

– Не нужен мне рай для приговоренного, – сплюнул я вязкую слюну.

– Я дам тебе то, чего ты никогда еще не испытывал. Ты же хочешь остаться со мной, ну, признайся! Не делай того, о чем будешь горько жалеть.

Ее глаза снова излучали нежность и желание.

Я почувствовал, что вполне оклемался, и двинулся вперед. Намухри стоял как вкопанный, прядая собачьими ушами. Я собрался протиснуться между ним и Жра, когда вся свора накинулась на меня сзади. Ожидая подобной развязки, я не дал себя повалить и быстро освободился от груза девичьих тел. Намухри повис на моей шее мертвой хваткой; мне пришлось вывихнуть ему руку, чтобы сбросить с себя. На земле образовалась куча-мала, вершиной которой был пятачок Намухри, визжащего от боли. Метнувшись, я молниеносно сгреб в охапку оружие, беличью накидку и тыкву с водой. Только я собирался дать деру, как передо мной выросла фигура моей соблазнительницы. Она резво схватилась за мое ожерелье и потянула к себе. Топор был у меня в руке, но портить такую красоту я не мог себе позволить, поэтому просто схватил девушку за волосы и дернул на себя и вниз, разбив коленом чувственные губы. Посягательство на подарок Варьи не увенчалось успехом. Некоторое время мы сверлили друг друга свирепыми взглядами, но потом она улыбнулась окровавленным ртом и, сверкнув зрачками, вкрадчиво произнесла:

– Все равно ты умрешь, красавчик. Так надо.

Она лежала на земле в незащитной открытой позе, и я отметил про себя, что для существа из плоти и крови она чересчур хороша. Настоящий демон секса. Но образ стеснительной Татьяны был мне почему-то ближе и приятнее.

– Не дождешься! – бросил я. Стараясь не придавать значения ее фразе, я перемахнул через распростертое тело и помчался по тропе. Меня снова била нервная дрожь. С горечью я подумал, что они, возможно, правы и я совершаю глупость. Утешало только то, что я настоял на своем.

* * *

От гостеприимных, очаровательных, но коварных созданий я сбежал со всей возможной прытью. Я опасался, что меня станут преследовать, но ошибся. Намухри и демонические девушки бросились было вслед, но уже через несколько метров я перестал слышать их топот и обернулся. Все сборище собралось на краю поляны и в ярости бесновалось, на все лады шипя, воя и визжа. Только тут я заметил, что над поляной, словно купол, мерцает воздух. «Стена», – подумалось мне. Существа остервенело бросались на прозрачный барьер, но тут же с визгом отшатывались назад, словно получив разряд электричества. Намухри оскалил зубы и с лютой ненавистью слал мне проклятия. Эдакий декоративный Люцифер в окружении ведьм. Только Жра улыбалась по-прежнему, манила пальцем и поглаживала свои прелести, словно в последней надежде соблазнить меня.

С облегчением вздохнув, я помахал на прощание топором и поплелся дальше. Шел я достаточно долго, пока не уткнулся носом в заросли камыша, оккупировавшего берега речушки. Продираться через виднеющуюся вдали полосу леса мне все еще не хотелось, и я прошелся вдоль берега, в надежде обнаружить какую-либо переправу или, на худой конец, место, где река поуже. Теперь мне везде чудилась опасность.

На мост не было и намека; я спустился к воде в месте, где камыш редел. На берегу валялось трухлявое бревно, одним концом увязшее в речном иле, другим – в зарослях камыша. На нем я устроился, намереваясь закрепить оружие на спине, чтобы не мешало плыть. Я слегка расслабился и, когда усталость отступила, почувствовал на груди зуд и жжение. Я взглянул туда, но не нашел ничего, что могло бы вызвать неприятности. Кроме амулета на ожерелье, подаренном Варьей, ничего не было. Я коснулся его пальцами и обнаружил, что он горячий. В месте, где он прилегал к груди, виднелся точный его отпечаток. Это был ожог!

Анализируя ощущения, я вспомнил, что на груди у меня стало теплеть во время беседы со свиночеловеком, а потом, не переставая, пекло все сильнее и сильнее, особенно во время танцев. Значит, причиной жжения был амулет, а я-то был уверен, что это от выпитого и от перевозбуждения.

Внезапно вещица резко охладела. Еще одна загадка. Я начал припоминать, что и в роще, нащипованной ловушками, и во время пожара, да и потом, позже, перед каждой подстерегающей угрозой в этом же месте ощущалась обжигающая пульсация. Но тогда мне было не до мелочей, а после все прекращалось само собой, и я обо всех своих ощущениях забывал.

Понемногу дело стало проясняться. Я вспомнил, с каким многозначительным видом Варья надевал на меня ожерелье. Выходит, это своеобразный индикатор опасности. Не зря Варья надеялся, что он сможет мне помочь. Интересно, сам дед догадывался, что артефакт, принесенный совой, обладает такими свойствами? Вряд ли, иначе предупредил бы меня. Я решил, что, если впредь почувствую, как подарок нагревается, тут же приведу себя в полную боеготовность.

Я внимательно осмотрел амулет. Из темного непрозрачного самоцвета было вырезано рельефное изображение: на лицевой стороне – солнце, на обратной – луна. Лики светил представляли собой удачную стилизацию под мужское и женское лица. На сухожилиях были нанесены двенадцать фигурок, в каждой из них без труда можно было узнать животное, напоминающее расположение группы звезд. Первобытный календарь с функциями магического индикатора? Радостный от своего открытия, я тут же полез в воду.

«Скрытая опасность», – сказал внутренний голос.

Это повергло меня в изумление. С чего я взял, что в реке прячется что-то враждебное? В нерешительности я повесил ожерелье на шею, вернулся к бревну и задумался. Что-то было не так. Аксоны в моем мозге соединялись и разъединялись в немыслимых вариациях и сочетаниях, пытаюсь найти удовлетворительное объяснение происходящим феноменам. Я вспомнил, что внутренний голос давал мне предупреждения и команды и раньше. Он заставил меня принять бой с ужасным животным, сигануть в водопад, вспомнить о любимой, когда меня охмурили первобытные куртизанки. Я стал сомневаться, что этот дар предвидения принадлежит мне. А вдруг это тоже амулет?

Как же это выяснить?

Немного стесняясь своих догадок, я зажал фигурку в кулаке и тихо, но стараясь быть убедительным, спросил:

– Это ты говоришь во мне?

Ничего не случилось. Я повторил попытку:

– Кто бы ты ни был, отвечай. Это ты подсказывал мне все время?

С ленцой, как бы нехотя, ответ все же пришел. Как и прежде, слышал я его в голове. Примерно так же, как мысли, которые мы проговариваем про себя, только четче. Не оставалось сомнений, что голос пришел извне:

«Да».

– Ты живое существо? – развивал я инициативу. – Может, ты дух или демон?

«И да и нет».

– Что именно?

«Будем считать, что я – самообучающееся заклинание. Магический прибор. Это по-простому. По-научному ты не поймешь».

Я обалдевал.

– Откуда ты? Кто тебя создал?

Голос молчал, и я, решив, что собеседник посчитал данный вопрос некорректным, продолжил допрос осторожнее:

– Что ты умеешь делать?

«Пусть это тебя не волнует».

– Ты будешь и дальше обо мне заботиться?

«Если сочту нужным».

– Что меня ждет в будущем?

«Откуда я знаю?»

– Я имею в виду, в ближайшее время.

«Тебе грозит смерть».

– Это понятно. Мне нужно поконкретнее. Опасность в реке?

«Небольшая».

– А где большая? Мне нужно знать!

«Люди», – сказал голос после непродолжительной паузы.

– Люди? – спросил я быстро, не желая терять установившийся контакт. Словно испугавшись, что собеседник выдохнется раньше, чем я выясню все, что меня интересует. – Кто они, что собираются делать? Что им от меня нужно?

Голос молчал.

– Отзовись, пожалуйста, это для меня очень важно!

Тишина. Я отогнал мысли, что сошел с ума и беседу вел сам с собой. Тем не менее «самообучающееся заклинание» не хотело или не могло отвечать. Жаль. Я надеялся вытянуть из него больше информации. Но спасибо и на том.

Оставив амулет в покое, я собрался продолжить путь. Раздосадованный поведением обитателя подарка Варьи, я подобрал булыжник и запустил его в реку. Вслед за первым, хилым всплеском последовал второй, более мощный, и в ноздри мне ударила болотная вонь. Из реки с бульканьем и стонами показалось нечто огромное и несуразное: клешни, щупальца, выпученные глаза. Брр!

Я поспешил ретироваться, а существо, побеспокоенное броском камня, полезло к берегу, что-то ворча. Таинственный голос из амулета был прав: опасность оказалась не слишком велика. Речное чудовище было слишком неповоротливым. Объявившись оно передо мной, я так улетывал бы, что, несомненно, побил бы все плавательные рекорды.

Внезапно слух заставил меня насторожиться. Я уловил какой-то странный звук. Так и есть: человеческая брань! Отборный поток ругательств, похоже выпущенный сильно раздраженным человеком, всполошил лесную живность где-то вдали, на том берегу.

Значит, я не один прохожу испытание? Лексика свидетельствовала, что сквернослов определенно побывал в нашем веке. Тембр голоса показался знакомым, но в том-то и дело, что только показался. Определить, кто матерится, я не мог.

Я вслушивался в лесную разногласицу минуту или больше, но, кроме трелей сверчков, уханья сов и редких вскриков каких-то незнакомых птиц, ничего не было слышно. Я прихлопнул наглого комара. Мужик, видимо, успокоился. Кто знает, может, и навсегда. Думать об этом было крайне неприятно, поэтому я легонько побежал вдоль берега, борясь со страхом, желанием спать и остатками хмеля.

Проклятые предки! Для махинаций со стороны этих мерзавцев, по моему мнению, здесь открывалось широчайшее поприще. Я подумал, что за ночь, при желании, одного кандидата на возвращение можно погубить сотню раз, в то же время перед другим простелив ковровые

дорожки. Исходя из каких-то своих интересов, корыстный предок преспокойно может уладить дела таким образом, что его протеже на пути к Харутугшаву и муха не обидит. А неугодных можно так затравить, что они стопроцентно полягут на полигоне при всех своих достоинствах. Ведь никто не контролирует, как проходит испытание. Я, конечно же, не знаю, каким образом обстояли дела в прошлом, когда испытание проводилось регулярно. Но за последние часы этичность этого испытания стала вызывать у меня большие вопросы. Если коррупция в среде предков действительно имела место, вполне закономерно, что в один прекрасный день парни яритов отказались хлебать эту дурацкую сому. На земле-то не скроешь, кто трус и негодяй, а кто – достойный человек. И если не раз обнаруживалось, что первые в счастливом расположении духа приходили в себя, а последних уносили хоронить, то это, естественно, не могло долго продолжаться. Старейшин, небось, перерезали, а сому уничтожили. Лично я, думаю, стал бы одним из зачинщиков бунта. Не вижу причин, почему коррупция, ставшая обыденной частью нашего мира, начисто отсутствует в этом. Люди, они ведь везде одинаковы. Хоть в Яви, хоть в Нави. А коли так, видал я всех предков и все ритуалы в известном месте.

Когда веки на ходу стали слипаться, я спустился по скользкому глинистому обрыву к воде и умылся. Амулет не давал никаких предостережений, и я безбоязненно плеснул в лицо воды. В голове прояснилось, и я повторил эту процедуру несколько раз.

«Не теряй времени», – предупредил амулет, напугав меня, и снова умолк, сколько я его ни пытал. Пришлось бросить эту затею и податься дальше.

Речка становилась все уже, а ее берега теперь можно было именовать таковыми лишь с определенной долей условности. Русло лежало в низменной ложбине с сырой почвой, изобилующей пробивающимися на поверхность ключами. Ступни стали чавкать в какой-то глинистой жиже. Исток брал начало из болота. Это открытие меня не обрадовало, и я по собственным следам возвратился немного назад, до места, где все-таки решился одолеть водоем вплавь. На мою жизнь никто не позарился, и я, отжав намокшую одежду, нашел тропу в нужном мне направлении. Этот берег был покрыт лесом почти в шахматном порядке: группа деревьев – полянка, еще группа – еще прогалина. Ветер стих. Я брел все дальше и дальше, стараясь по возможности держаться в тени. До гор, казалось, рукой подать. Пора было подумать и о жертве, которую я должен добыть для Харутугшавы. На этот счет Варья ничего толком не объяснил: то ли не захотел, то ли забыл. А теперь расхлебывай тут. Хоть бы кто-нибудь растолковал, что к чему!.. Одиноко.

– Амулет, – позвал я. – Слышишь? Где искать жертву для демона?

Я спрашивал безо всякой надежды, но самообучающееся заклинание неожиданно нарушило обет молчания:

«Не беспокойся. В свое время все узнаешь. Будь бдителен».

Заклинание не стало вдаваться в подробности, но я слегка насторожился. Мне показалось, что мой невидимый собеседник возбужден. Что-то учуял? Посмотрим.

Я спрятался за деревом и прислушался. Среди фонового шума ночного леса нарастал слабый треск. Создавалось впечатление, что кто-то в сильнейшем раздражении продирается сквозь кустарник. Поросли вокруг было достаточно, но ее вполне можно было обойти стороной. Напролом лезет только существо, выбитое из душевного равновесия. Или пофигист, как, например, человек, промочивший ноги. Луи и дождь становятся ему нипочем.

Я вжался в теплый шершавый ствол и продолжал наблюдать. Шум прекратился, так как путник выбрался из зарослей. Явственно слышались его шаги и возбужденное сопение. Возможно, меня ждал новый раунд схватки за жизнь. Кто знает, быть может, последний. Я бросил взгляд в небо, вспомнил теплую улыбку Танечки, погладил ладонями кору дерева. Воздух показался особенно сладким. Прощайте все, кого я знал, на всякий случай. Я переместил дубину в правую руку, приготовил топор, спрятал тыкву в складках одежды. Готов.

Лунный свет неравномерно падал на полянку. Противоположная сторона была скрыта тенью, моя же, к несчастью, освещалась неплохо. Перемещаться вглубь деревьев было поздно: незнакомец почуял бы шум. Он был совсем рядом. Оценив обстановку, я решил, что внезапно брошусь на него сбоку, не дожидаясь, пока он меня обнаружит. Я напрягся и мысленно пожелал себе удачи.

Пришелец, а это, несомненно, был человек, выбрался на середину поляны и остановился, словно в нерешительности. Он обвел местность пытливым взглядом и развернулся ко мне левой стороной. «Ищет меня», – подумал я. Намереваясь обойти его сзади, я начал медленное плавное перемещение.

В мужчине было что-то знакомое. Он был одет в плотные широкие шаровары и такую же куртку из выделанных шкур. На ногах – лапти, в руках – плетеный щит и короткий тяжелый палаш из какого-то темного минерала. «Профессионал, – оценил я. – В прямом поединке с моим вооружением нечего и надеяться на успех».

Человек не спешил ничего предпринимать. Мой обходной маневр был почти завершен, но по закону подлого невезения под ногой захрустела сухая веточка, и в установившейся тишине этот звук прогремел, словно выстрел. Человек встрепенулся, словно это его впрямь напугало, и стал нервно вертеть головой, держа палаш наперевес. Медлить было нельзя. Сейчас он меня заметит, и мне не спастись.

– Провались ты пропадом! – ругнулся я, врываясь на полянку. Вот невезуха!

Фигура, полуприсев, будто от испуга, обернулась в мою сторону и приготовилась нанести удар. Я на бегу занес дубину выше головы. Ну, была не была!

Произошло, однако, то, чего я никак не ожидал. Незнакомец опустил оружие и сдавленно выругался. Я остановился, силясь понять, чей это голос и что мне делать. Амулет взбесился, то обжигая, то мгновенно холодея. Так, будто сам не мог сообразить, опасна встреча или нет. Все прояснилось, когда силуэт сделал шаг в сторону, подставляя лицо лунному свету, врубил палаш ударной поверхностью в землю и неуверенно воскликнул:

– Серый?

Амулет успокоился. Я тоже. Бог мой, какое облегчение!

– Саня, – сказал я. – Где ты научился так материться?

Глава 3

Тропой войны и скорби

Делай что должен – свершится, чему суждено.
Марк Аврелий

Очевидно, амплитуда стрессовых переживаний превысила допустимый порог воздействия на мою психику. Силы разом покинули меня, и я бухнулся задом на траву, даже не пытаясь совладать с приступом немощности, сковавшим мои члены. Саня, волоча ноги, подобрался ко мне вплотную и сел рядом, скрестив руки на груди. Теперь я мог повнимательнее рассмотреть его облачение. Удобная, прочная, теплая одежда. Насекомые Сане не досаждали. Ветки и сучки тоже. В отличие от моих грязных, израненных и потерявших чувствительность от холода ступней, его пяткам было вполне комфортно. Зависть несколько оживила меня, и я изыскал возможность устроиться поудобнее. Говорить не хотелось. Я понимал, что в данный момент ничего, кроме порции упреков, не смогу ему сообщить. Он чувствовал это, поэтому тоже молчал, но наконец не выдержал и заговорил первым:

– Хвала предкам, ты жив и мы встретились.

Я криво усмехнулся:

– У меня к предкам несколько менее благодарные чувства.

Он кивнул, виновато опустил голову и почесал затылок.

– Понимаю.

Я почему-то сомневался, что он может это понять, но смолчал.

– Подумать только, еще чуть-чуть – и мы бы друг друга поубивали.

– Мы могли бы и не попасть сюда, если бы не твоя дурацкая идея напиться. «Давай выпьем! За победу!» – передразнил я его.

– У тебя своя голова на плечах. Мог бы и отказаться.

– И отказался бы... в другое время. Ты ведь видел, в каком я был состоянии.

– И вижу, в каком сейчас. Мне жаль, что все так вышло, но к чему теперь винить друг друга. Все равно легче не станет.

– Ясное дело, – буркнул я. – Неприятно, когда на тебя бочку катят.

– Да нет, дело не в этом. Просто мы здесь ни при чем, ни я, ни ты.

– Ладно. Как говорится, как опилки не пили, толку никакого.

– Вот именно. Займемся текущими проблемами.

Он вынул из-за пазухи плоскую деревянную флягу, напился и подал мне. Внутри плескалось молоко. Какая прелесть!

– Откуда это у тебя? – поинтересовался я, отхлебнув.

– Дал посланец предков.

– Это еще кто?

– Помнишь того мужика, который следил за нами возле общаги?

– Угу. Так это он все подстроил?

– Точно. «Самогон» – его рук дело.

– А одежда от лучших кутюрье мира предков тоже от него?

– Угадал. И оружие.

В руке его блеснуло обсидиановое лезвие. У Варьи была похожая штука.

– Даю ноготь на отсечение, ты их ни разу не пустил в дело.

– Верно. Они пока не понадобились.

– Воистину, хвала предкам. О тебе они проявляют завидную заботу. Вот только ума не приложу, как это существование некоего Сергея Гордюкова укрылось от их всеведущего родительского ока? Хотя, может быть, мне собираются присвоить статус великомученика.

Юдин смутился. Он открыл рот, закрыл его, особо рьяно поскреб затылок, после чего все же сообщил:

– Видишь ли, ты, оказывается, не входил в планы предков. Они не рассчитывали, что на полигоне появятся двое.

Я чуть не подскочил на месте.

– Вот как. Я, видите ли, не входил в планы их величеств. Отрадное известие. Спасибо, Саня, за информацию.

Разочарование мое было так велико, что я совсем потерял присутствие духа. Я, оказывается, на фиг никому здесь не нужен. А я-то, после напутствий Хранителя Священного очага, возомнил себя чуть ли не мессией, спасителем человеческих атманов, проводником между мирами. Неужто Варья действительно ничего не знал о планах предков? Врать он вряд ли стал бы, мне кажется. Значит, он и впрямь не общался со своим начальством черт знает сколько времени.

Я уже привык к перепадам температур, которые производил амулет. Вот и теперь он, похоже, раскусил степень исходящей откуда-то опасности и стал чуть теплее обычного. Что бы это могло значить?

– Так-так. Раз в моей скромной персоне не нуждаются, я тем более буду платить той же монетой. Ну, рассказывай по порядку, как провел время, что узнал.

– Думаешь, я много знаю? Отнюдь.

– Но я-то не знаю вообще ничего.

– Короче говоря, потерял я сознание. Лежу – чувствую, что на лоб положили что-то мокрое, холодное. Очнулся – рядом тот мужик. Весь в украшениях, хорошо вооружен. Ну, думаю, белая горячка, наверно, раз чушь всякая мерещится. Потом, мало-помалу, он меня убедил, что он настоящий, и объяснил, что к чему.

– Это было у Священного очага?

– Какого очага? Костров я не видел.

– Понятно. Значит, это точно был не Варья. Продолжай.

– Ну так вот, он меня одел, вооружил, дал еды и питья, потом стал инструктировать. Рас- толковал, что это – мир предков, мы находимся в местности, предназначенной для испытания. Но кроме испытания в древности здесь время от времени проводился еще и некий священный ритуал, нечто особенное, чуть ли не космического значения. Однако, после каких-то событий, о которых он умолчал, как и о сути самого ритуала, связь между мирами была утрачена, и ни ежегодные испытания, ни ритуал больше не проводились. Предки долго не могли прийти к согласию насчет того, что делать дальше, даже воевали. А когда, наконец, стали способны на конструктивные действия, оказалось, что об их существовании давно забыли, а без участия людей, живущих по ту сторону, то есть с нашей Земли, производить какие-либо серьезные изменения статус-кво не так уж и просто. Они искали способы взаимодействия, но ничего не получалось. Так было до самого последнего времени, пока они не инспирировали мое проникновение сюда. Вернее, наше, – поправился он.

Я вспомнил останки несчастных в роще и подумал, что Сане навешали на уши лапшу. Не своих же они там затравили. Впрочем, с выводами в любом деле спешить не стоит.

– О том, что я тоже здесь, никому не известно?

– Я, вообще-то, сказал, что ты, возможно, шастает где-то поблизости, но посланец только отмахнулся и ответил, что тебя не стоит брать в расчет.

– Как мило.

Либо врал Саня, либо этот посланец, либо оба говорили только то, что считали нужным. Однако вопрос в любом случае не снимается. Полигон полигоном, но плато, насколько мне известно, к полигону не относится, и то, что меня без всякой магии, реликтов и уродов предки пытались устранить до самого водопада, было непреложным фактом.

– Предки, естественно, в курсе того, что на Земле никто к испытаниям не готовится, и без их помощи остаться в живых исключено, – продолжал Саня. – Сложность в том, что полигон создан неизвестно кем и когда, и существовать он продолжает по своим законам. Теоретически, отключить стражей и ловушки на этой территории, даже на время, невозможно. На практике же такое иногда происходило, хотя и требовало массивной магической поддержки. Проще говоря – энергозатрат. Возможно, из-за этих вмешательств что-то в механизме полигона полетело к чертям, и теперь он, похоже, вообще никому не подконтролен.

Я удовлетворенно кивнул. Моя догадка о нечистоплотности методов, которыми пользуются предки, подтвердилась. Из сказанного следовало, что, заполучив в помощники могущественного дядю из мира предков, можно было на все сто рассчитывать на благополучное возвращение. И напротив, неугодный отрок мог рассчитывать только на свои силенки. Кто знает, может, предки не гнушались и личной расправой над такими. Из этого предположения и следует плясать, гадая, отчего связь миров прервалась. Вообще, с такого рода играми в общение с загробным миром ни в какое сравнение не идет то, что мы можем наблюдать в истории впоследствии – спиритизм, некромантия и прочее. Масштабец не тот.

– Что же дальше?

– Дальше он объяснил, что, пользуясь его поддержкой, я должен пройти по намеченному им временно безопасному маршруту, поучаствовать в ритуале, добыть жертву для Харутугшава – надеюсь, о нем ты знаешь, – и вернуться на Землю, чтобы тем самым восстановить связь. Сегодня как раз день летнего солнцестояния совпал с полнолунием. Энергия бурлит и ждет, когда ключ разбудит сердце бога!

– Действительно, полнолуние кстати. Светло, – сказал я, ничего не уразумев из его последних фраз. – А как ты находишь дорогу?

– Вот план местности.

Это оказался кусок выделанной кожи, на котором схематично изображались поджидающие ловушки, которые маршрут, небрежно нанесенный красной охрой, предусмотрительно огибал. Я внимательно изучил примитивную карту. Священный очаг показан не был. То ли он располагался ниже, то ли картограф не посчитал нужным его отметить. Зато я нашел полянку Намухри и болото, в котором мой путь, скорее всего, и завершился бы, не переправясь я вовремя через реку. Река на плане пересекала полигон, разделяя его на две равные части. Юдину плыть не пришлось. Его «высадка» произошла на верхней половине карты, куда я добрался совсем недавно. Весь лес по берегам реки был испещрен предупреждающими знаками, и Саня не спеша обходил их, двигаясь вдоль берега и не очень утомляясь. Я удивился тому, что мне, отчего-то, повезло миновать большинство из них. Уж не знаю, случайность это или забота моего спутника, теплящегося на шее. В правом верхнем углу линия завершалась жирным крестиком (может, это был плохо скрытый намек?) – пещерой демона Харутугшава. Если Варья был стражем точки «входа», то демон – стражем точки «выхода». Интересно, почему же мы появились в разных местах? Ответ напрашивался сам собой: предки не хотели иметь дело с Варьей.

Я хихикнул. Карта напомнила мне компьютерную игру, над которой еще первокурсником просиживал ночи напролет, терзая компьютер приятеля. Управляешь мышкой, и фигурки на экране обходят препятствия или сражаются, чтобы достичь цели. Только игрок забыл обо мне, ушел, а программа дала сбой, и мне пришлось самому выбирать свой путь и бороться за право выжить и вернуться. Теперь не спрашивайте, что я думаю о богах и предках. Бумага хоть и терпит все, но ни в чем не виновата.

– Ты сказал «временно безопасный маршрут». Почему временно?

– Не все, но большинство препятствий меняют свою дислокацию. В их передвижении подмечены определенные циклы. И в некоторые фазы цикла опасность сводится до минимума.

– Ясно. Все просчитано до мелочей.

– Ну, не все. На меня тоже пытались напасть.

– Пытались?

– Да, – рассмеялся Юдин. – Цветок за ягодицу грызнул слегка. Но в общем все обошлось без драк. Зато ты разукрашен по полной программе. Словно только что с креста сняли.

Я посмеялся вместе с ним, но мне было не очень смешно, и я вовремя замолчал, чтобы моя горечь не пробила наружу.

Одно вызывало у меня интерес: тот факт, что Намухри со своей сворой не смог меня преследовать. Я спросил об этом Саню, и он объяснил, что «райская полянка», очевидно, находится в первом круге, или поясе. Ответ меня не удовлетворил, и я попросил конкретики. Тогда Саня сообщил, что, хотя он в этом и не уверен окончательно, но полигон, по его понятиям, представляет собой олицетворение понятия «пуп земли». Вернее, не земли, а Нави. Если Земля, по представлениям предков – Явь, то этот мир, стало быть, – Навь, мир мертвых. Есть и еще мир, Правь, но об этом Саня ничего не знал, а фантазировать не стал. Так вот, возле сердцевины Нави кругами расположены концентрические пространства, или пояса. Всего их три. Степень мощи магических препятствий, соответственно, возрастает ближе к центру.

Это было важно. Значит, в первом круге жизнедеятельность нечисти ограничена минимальной площадью, а чем ближе к цели, тем... ну чему тут порадуешься?

– А что там, в самом центре, ты, случайно, не в курсе?

– Ашваттха.

– Чего? Это новое ругательство? Ладно, повторять не надо, лучше объясни популярно.

– Если бы я знал! Можно было поспрашивать, конечно, но мне было не до того.

– А что тут еще интересенького есть?

– Алтарь.

– То есть?

– Ну, жертвенный стол там, капище, всякие идолы, небось, и прочие заморочки. Там же, наверное, и жертва для демона.

– Странно. Обычно жертвы на алтарь возлагают, а не наоборот. Откуда ж она там возьмет?

– Это ж мир мертвых, так? Значит, он в чем-то – обратная проекция нашего. И если на Земле жертвы возлагают, то здесь они проецируются, чтобы их низлагали, то бишь забирали. В данном случае это сделаем мы.

– Ты уверен?

– Я ни в чем не уверен. Имею я право строить предположения?

– И ты считаешь правдоподобным, что на Земле кто-то жертвует на нужды почивших яриков?

– Как ты меня забодал своим скептицизмом! Не веришь – не надо. Неймется тебе – пойди в храм, поплыви в образа, оскорби прихожан, скажи им, что материя первична. Кому ты что докажешь? Точно так же и здесь, только еще непонятней. Ты просто не в той ситуации сейчас, чтобы объяснять все с точки зрения науки и здравого смысла.

– Но вдруг там не будет жертвы?

– Посланец предков сказал, что бгутрита о жертве позаботится.

– Опять отмазки страшными словами. А как жертва выглядит?

– Не знаю! Ничего я не знаю. Это дело предков. В конце концов, это же им нужно восстановить между мирами связь, вот пусть и беспокоятся. А мне все едино, лишь бы убраться отсюда живым и здоровым.

– А если он тебя обманул?

– И что ты предлагаешь? Иди назад, спрашивай у своего Варьи. Думаешь, если мне повезло в чем-то, то я от всего застрахован? Я же вижу, ты мне завидуешь и злишься, за то что я цел и дошел без приключений, да еще выбор пал не на тебя, хоть я тут и ни при чем.

– Больно нужно. Ничуть я не завидую, – сказал я, отметив про себя, что на самом деле он прав.

Я решил не раздражать его больше. В это время амулет стал донимать меня слабыми горячими уколами. Я попытался мысленно позвать его, но упрямец молчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.